

Уильям Ансордж

ПОД СОЛНЦЕМ АФРИКИ

Военные и охотничьи приключения,
описания туземных племен

Уильям Ансордж

**Под солнцем Африки. Военные
и охотничьи приключения,
описания туземных племен**

«Издательские решения»

Ансордж У.

Под солнцем Африки. Военные и охотничьи приключения, описания туземных племен / У. Ансордж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904391-7

В данной книге автор повествует о тревожном для британцев начальном периоде колонизации Кении и Уганды. Ему приходилось командовать фортами, участвовать в сражениях с разбойными племенами и пособниками работорговцев, конвоировать свергнутого короля Уганды с его гаремом, организовать эвакуацию оружия и боеприпасов из охваченных мятежами фортов. Наряду с этим Ансордж с юмором описывает комические ситуации в его встречах с правителями Восточной Африки и простыми туземцами.

ISBN 978-5-44-904391-7

© Ансордж У.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	8
ГЛАВА I. Вступление	9
ГЛАВА II. ЗАНЗИБАР И МОМБАСА	12
ГЛАВА III. КАРАВАННАЯ ЖИЗНЬ	20
ГЛАВА IV. ПРОТЕКТОРАТ УГАНДА	39
ГЛАВА V. ПРОВИНЦИЯ РАВАЙН	43
ГЛАВА VI. КАВИРОНДО	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Под солнцем Африки Военные и охотничьи приключения, описания туземных племен

Уильям Ансордж

Переводчик Анатолий Павлович Смирнов

© Уильям Ансордж, 2018

© Анатолий Павлович Смирнов, перевод, 2018

ISBN 978-5-4490-4391-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

UNDER
THE AFRICAN SUN

✓
A DESCRIPTION OF NATIVE RACES IN
UGANDA, SPORTING ADVENTURES
AND OTHER EXPERIENCES

BY

W. J. ANSORGE

M.A., LL.D., M.R.C.S., L.R.C.P.

LATE SENIOR PROFESSOR AT THE ROYAL COLLEGE OF MAURITIUS
MEDICAL OFFICER TO HER MAJESTY'S GOVERNMENT
IN UGANDA

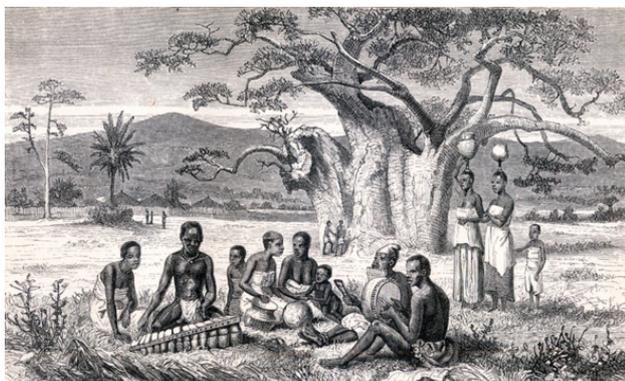
*WITH 134 ILLUSTRATIONS FROM PHOTOGRAPHS BY THE AUTHOR
AND TWO COLOURED PLATES*

NEW YORK
LONGMANS, GREEN, AND CO.

1899

**«ПОД СОЛНЦЕМ АФРИКИ: ОПИСАНИЯ ТУЗЕМНЫХ ПЛЕМЕН УГАНДЫ,
ОХОТНИЧЬИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ДРУГИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ»**

**АВТОР: УИЛЬЯМ ДЖОН АНСОРДЖ
ПЕРЕВОД АНАТОЛИЯ СМИРНОВА**

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В настоящем издании я предлагаю свой перевод книги «Под солнцем Африки» английского путешественника Уильяма Ансорджа, который в период с 1895—1898 г.г. совершил шесть походов-экспедиций от Занзибара до Уганды. Эта книга до сего времени НЕ ПЕРЕВОДИЛАСЬ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.

В Уганде Ансордж занимал различные должности в британской колониальной администрации. Имея медицинское образование, он в качестве военного врача участвовал в боевых действиях против африканских племен, занимавшихся разбоем и работорговлей, а также способствовал подавлению мятежей среди туземных контингентов в британских колониальных войсках. Несколько раз он в тревожное для англичан время назначался на должность командующего британскими военными фортами.

Автор в увлекательной форме повествует о своих военных и охотничьих приключениях. Очень интересны его нередко ироничные описания туземных племен, их нравов и обычаев, зачастую вызывающих недоумение европейцев. При этом Ансордж демонстрирует незаурядное чувство юмора.

А. Смирнов

ГЛАВА I. Вступление

Мое первое путешествие в марте 1894 года в Уганду было завершено за несколько дней до провозглашения британского протектората над этими регионами. Транспортировка, независимо от характера товаров, зависела от эффективности туземцев, отобранных из смешанных береговых народностей, известных в совокупности, как суахили.

Теперь маршрут каравана из Момбасы в Порт-Алис на расстояние 800 миль, стал практически простой дорогой. Ранее приходилось сталкиваться с трудностями и опасностями там, где теперь путешествие считается сравнительно легкой прогулкой. Всего три года назад две караванные партии были уничтожены враждебными туземцами, теперь некоторые джентльмены хвастаются, что могут пройти 800 миль без оружия, имея только трость. Ранее требовалось восемьдесят три дня для путешествия из Момбасы в Кампалу (Уганда, северный берег озера Виктория); теперь – едва половина этого времени. Раньше путешественник проводил в пути восемнадцать дней, чтобы пересечь пустыню Тара и лихорадочный пояс за ней; теперь он садится в поезд в Момбасе и через день находит себя в безопасности за пределами этого зараженного района. От Кикуйи (19 км к западу от Найроби) до Кабраса (северо-восток озера Виктория) тогда подразумевалось путешествие в двадцать один день, за которые не встретишь другого человека, за исключением какого-либо бродячего воина масаи, носящего прическу из косичек и вооруженного копьем с длинным лезвием. Теперь три правительственные станции на озере Найваша, Эльдома Равине и Нанди завершают цепь фортов. Там, где епископ Ханнингтон не смог пройти и потерял свою жизнь, миссионеры теперь путешествуют безопасно и комфортно. В Кикуйе, где нас предупреждали, чтобы мы не удалялись за пределы видимости форта, и никогда не выезжали из него без оружия или без вооруженного эскорта, три семьи английских поселенцев построили себе дома и появились три пухлых младенца, первые европейцы, рожденные в этом далеком регионе Африки.

Занзибар тоже почувствовал эффект от этих изменений. Раньше это был великий торговый центр, а Момбаса – просто географическое название ничтожной важности; теперь, когда прибрежная железная дорога выросла до 200 миль, Момбаса, как ее береговая линия, с каждым днем становится все более важной, а Занзибар постепенно погружается в тень.

Старый караванный маршрут предлагал путешественнику интересные вариации в пейзажах: Момбаса с ее какао-ореховыми пальмами и манговыми деревьями; безводная пустыня Тару с ее кустами шиповника; холмы Маунгу, Ндара и Нди, с жирафами и прилегающими равнинами; Кибвези, с его огромными баобабами; речные лагеря Макиндо и Кибоко, с носорогами и зебрами, газелями и антилопами; окрестности мелкой реки Килунги, самая великолепная для охоты страна во всем мире, с ее львами и страусами и гну; лес Кикуйю с его полянами; потухший вулкан Лонгонот, с огромным кратером на вершине; озеро Найваша с его мириадами водоплавающих птиц самых разнообразных видов; озеро Накуру с тысячами фламинго; девственный лесной пояс Субуго с его благородной древесиной; холодный отвес Мау, расположенный на высоте 9000 футов над уровнем моря, с разбросанными пятнами бамбуков; безлесные районы Кавирондо; сады Усоги, с их серыми попугаями и обширными банановыми плантациями; Нил, где он выходит из могучего озера Виктория Ньянза; наконец, Уганда, с ее холмами и долинами, своими дикими пальмами и двадцатифутовой слоновьей травой.

Кибвези

не выпало шесть раз совершать подобное путешествие, кроме того, потратил почти год на изучение более отдаленных частей, известных, как Уньеро и пересек озеро Альберт четыре раза. В африканских путешествиях и приключениях есть неопишное обаяние, которое снова и снова тянет на Темный Континент, хотя не многие европейцы нашли в нем могилу. Однако, в течение последних четырех лет ушли из этого мира люди, которые меня лично знали: г-н Пуркисс, д-р Шартр, г-н Муксворти, капитан Даннинг, г-н Уэст, мистер Дик, монсьеур Гиймин, г-н Годфри, капитан Склатер, майор Трустон, г-н Н. Уилсон, г-н Скотт, г-н Пилкингтон и преподобный г-н Хаббард. Большинство из них встретились с насильственной смертью; только два или три человека стали жертвами климата. Британская власть, называемая «протекторат», медленно и неуклонно утверждает себя в этих обширных территориях. Мы отменили рабство, заставили туземные племена жить в мире друг с другом и открыли необитаемые регионы, большие, чем вся Англия, для умелых и предприимчивых поселенцев, чтобы они строили свои усадьбы и фермы. Когда я впервые приехал в Уганду, мы были всего лишь двенадцатью европейскими чиновниками, занимающими должности от самых высоких до самых низких; и только семь из этих пионеров осталось в живых.

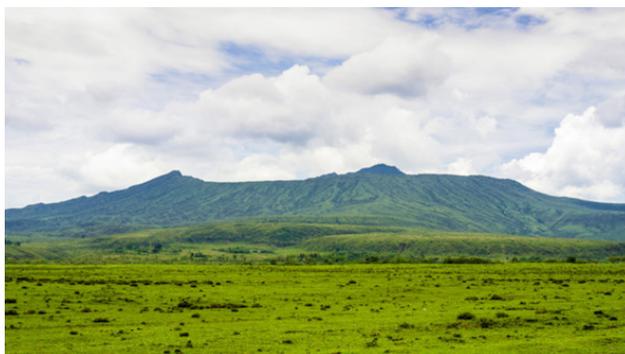
Баобаб в Кибвези

Река Кибоко

Вулкан Лонгонот

Вулкан Лонгонот

ГЛАВА II. ЗАНЗИБАР И МОМБАСА

Путешественник в Уганду должен сначала добраться до Момбасы; и для этого он отправляется либо французским пароходом с тем, чтобы пересесть на другое судно в Занзибаре, либо английским пароходом, и пересаживаться в Адене. В настоящее время нет прямого сообщения между Англией и Момбасой.*

** Пароходы немецкой компании «Ост Африкан Лайн» выходят из Гамбурга в Момбасу, по пути заходя в Неаполь.*

Те, кто предпочитают садиться на пароход в Лондоне, кто презируют пассажиров второго класса, кто не любят французскую кухню и которые абсолютно не знают французского языка, не должны ехать французским пароходом. Тем, кто хочет спасти себя от долгого морского путешествия через бурный Бискайский залив и Гибралтар, кто предпочитает, чтобы плата за проезд включала определенную скидку на вино и пиво на борту и кто хочет сократить свои расходы, могут предпочесть французскую линию.

Если путешественник выбирает английскую линию, а деньги его не очень интересуют, он может избежать качки в Бискайском заливе, проехав по суше и догоняя свой пароход в Бриндизи. Если путешественник выбирает французский маршрут, он должен отправиться в Марсель – на одном из пароходов Messageries Maritimes Company, направляющихся в Занзибар.

Путь от Лондона до Марселя занимает двадцать четыре часа. Те, кто предпочитает пересекать Ла-Манш в течение дня, должны покинуть Лондон утром, чтобы через Дувр добраться до Кале. Те, кто не против переправы через Канал ночью, и хотели бы увидеть что-то вроде утреннего пейзажа Франции, должны покинуть Лондон вечером.

В путешествии по Франции пассажир должен иметь в виду, что даже с билетом первого класса только 56 фунтов (25 кг) багажа можно провозить бесплатно, и что за чрезмерную массу груза взимается очень непомерная плата. Но нет необходимости, чтобы кто-то обременял себя, взяв весь свой багаж с собой во Францию. Агент французской компании в Лондоне возьмет на себя ответственность за весь ваш багаж, чтобы доставить его за две недели до даты, установленной для отправления парохода из Марселя. Ваш багаж отправится морем, и вы найдете его в Марселе, когда прибудете туда.

Путешествие из Марселя в Занзибар занимает восемнадцать дней; это включает в себя неизбежную потерю времени из-за бункеровки углем в Порт-Саиде и Джибути. Французские пароходы отмечены своей замечательной пунктуальностью в отношении заявленных дат отправления и прибытия. В пароходном сервисе произошли значительные изменения, так как я впервые отправился в Красное море до открытия Суэцкого канала. В те дни мы ехали пароходом из Марселя в Александрию, затем поездом из Александрии через Каир в Суэц, а оттуда пароходом к месту назначения. Когда Суэцкий канал был открыт, суда компании Messageries Maritimes еще заходили в Аден, Мессину и Неаполь; но они не делают этого сейчас.

Плавание от Марселя до Порт-Саида занимает пять дней. Порт Саид стал оживленным центром; он привлек богатство и в то же время подонков, которые всегда роятся там, где есть коммерция. Здесь пароходы бункеруются углем; и поскольку погрузка угля подразумевает грязь и дискомфорт, пассажиры укрываются на берегу. Если вы уже видели это место или нет, возможность прогуляться по берегу – это всегда приятное занятие, нарушающее однообразие долгого морского путешествия.

Пароход проходит Суэцкий канал за пятнадцать часов. Есть немногие кусочки экзотики и странные проблески Восточной жизни, но в основном, судно медленно проплывает мимо бесконечного пространства песка.

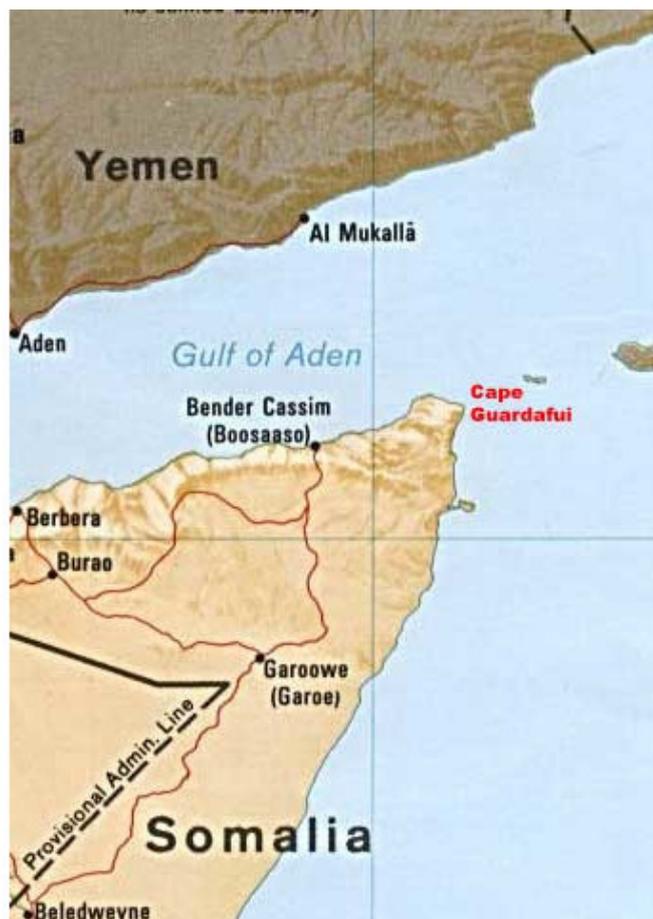
Чаще всего апатичный пассажир просто «убивает время». Его блаженному глазу красивые станции канала неинтересны; для него египетские оборванные уродцы, дерущиеся между собой за апельсин или монету, являются абсолютной скукой, а белое облако ибисов, связка верблюдов, песчаные дюны, соленые озера – все вызывает скуку.

На суэцком конце канала пароход останавливается только за почтовыми отправлениями; здесь нет времени, чтобы отправиться на берег и посетить «колодец Моисея» и другие достопримечательности. Тем не менее, назойливые торговцы непременно появляются на борту, чтобы сделать хоть какой-то бизнес.

Путь от Суэца до Джибути занимает шесть дней. Пароход, как правило, находится очень далеко от берега, поэтому долгое путешествие на открытой судне под жарким солнцем слишком неинтересно, чтобы соблазнить многих пассажиров выйти на палубу. В моем последнем путешествии большинство пассажиров испытало легкое волнение, когда наблюдали, как огромный скат-монстр крутился вокруг корабля, до тех пор, пока двое моряков не спустились в лодку и успешно забили его гарпуном. У него был нитевидный хвост длиной в несколько футов и чудовищные челюсти. Именно в таких случаях хотелось бы иметь несколько лишних фунтов, чтобы купить такое чудо для музея. Я не видел ничего подобного в любом музее; и, насколько мне известно, это был неизвестный вид. Его вскоре разделали, большая часть его тела была выброшена за борт как «отходы». Мясо считалась слишком грубым для стола для пассажиров и его передали матросам.

В Джибути путешественник слышит знакомый крик «Ныряйте!», как и в Адене. Несколько туземцев подходят к борту на своих крошечных долбленках и прыгают в воду, приглашая зрителей бросать монеты, за которыми они ныряют.

Путь от Джибути до Занзибара занимает шесть дней. Летучие рыбы иногда падают на палубу. Это довольно любопытное зрелище, когда стайка летающих рыб скользит по поверхности воды. Если пароход плывет недалеко от берега, можно увидеть контуры «спящего льва» – скалистого побережья мыса Гвардафуи.

Когда пароход приближается к острову Занзибар, пассажиры видят плотную стену кокосовых пальм и другой зелени; но сам город – это масса зданий, сгрудившихся без всякого порядка. Узкие извилистые улицы, переполненный местный базар, дворец султана, британское консульство, все это уже многократно описано разными путешественниками.

Большая часть богатства Занзибара заключается в его плантациях гвоздики, и было бы ошибкой не посетить одну из них

Гвоздики, большинство из которых старые, высаживаются в ряды значительной длины и образуют живописные рощи.

Пройдя через туземный квартал, я наткнулся на арабскую школу. Учитель и ученики сидели скрестив ноги на матах; каждый ученик использовал вместо грифельной доски лопаточную кость какого-то животного.

На обочине дороги я увидел, как местный врач ставил банки пациенту, а две женщины ждали своей очереди. Он использовал рог козла, перфорированный сверху, с небольшим отверстием, которое он затыкал кусочком воска. Сделав два или три крошечных разреза на коже пациента, врач подержал рог над огнем, а затем хлопнул им по ране. Через несколько минут, удалив восковую пробку, знахарь снял рог, и в нем находился большой сгусток крови.

Мыс Гвардафуи

Во время моего второго визита на Занзибар остров только что перенес сильную эпидемию оспы; немецкий врач пал ее жертвой, а английский врач заболел. Мне пришлось отнести в мастерскую свои часы, чтобы отремонтировать. Часовщик-европеец был покрыт фурункулами с головы до ног. Он не знал, что я имею медицинское образование, когда он объяснял мне, что лечится сам, обнаружив в какой-то старой брошюре «отличный рецепт для изъятия плохой крови». «Какая польза от посещения врачей? – сказал он, – они не могут даже себя вылечить, немецкий врач мертв, а другой врач очень болен!» Он заверил меня, что у него не появилось ни одной новой язвы с тех пор, как он начал лечить себя; «А теперь посмотрите!» – воскликнул он, торжествуя указывая на свое пятнистое лицо, которое могло бы быть примером повторения серьезной атаки оспы. Он, как не удовлетворился, по-видимому, успехом на своем собственном лице, но пробовал лечение и на его несчастной жене и ребенке, которых вызвали, чтобы также показать мне. Учитывая, что он представлял крайне тяжелую степень поражения, его семья представляла собой сравнительно лучший результат. В следующий раз, когда я посетил Занзибар, он и его семья исчезли; возможно, он отправился куда-нибудь, чтобы выбить патент на таблетку, «чтобы изъять плохую кровь».

В Занзибаре есть несколько отелей и ресторанов; но большинство из них – просто алкогольные салоны. Большой недостаток всех этих заведений заключается в их очень неприятном обычае позволять посетителям справлять нужду сразу же за порогом помещения.

В одном из этих отелей в 1894 году я встретил некоторых странных клиентов. Из Индии прибыла труппа исполнителей, стремящаяся показать полет на воздушном шаре перед предыдущим султаном. Султан, однако, отказался заплатить сумму, которую они просили. Их лидером был молодой человек, но зависимый от алкоголя, и что хуже всего, он напивался каждый вечер. Поскольку перегородки, разделяющие спальни, были только тонкими досками, я стал нежелательным слушателем ночных супружеских перебранок между ним и его женой. Партнер в этом шоу выдал мне через тонкую стену информацию о том, что его дама была уже четвертой женой, ее три предшественницы пришли к несвоевременному и неудачному концу, упав с воздушного шара. Теперь четвертая жена тренировалась, чтобы выполнить полет на шаре и, будем надеяться, выполнит более успешный спуск. Труппа покинула Занзибар в течение нескольких дней – место следующего назначения неизвестно.

Наслаждаясь вежливым гостеприимством сэра Артура Хардинга в британском консульстве, я имел возможность присутствовать на очень грандиозном арабском ужине, данном им всей арабской знати и элите в честь дня рождения королевы. Султан был представлен его братом, наследником трона. Этикет запрещает его высочеству есть на публике со своими подданными. Также присутствовал знаменитый работорговец Типпу-Тиб. Хотя всего было сорок гостей, более трехсот блюд подали на стол в арабском стиле и с арабскими деликатесами. Жареное мясо, печень, рис, сладости, фрукты, щедро заполнили стол. Для европей-

цев были положены ножи и вилки; но арабы использовали пальцы, помогая себе ими без разбора при потреблении любого блюда. Знатные арабы поели немного, и пили шербет, как того требовал их этикет, но как только они отошли от стола, сопровождавшие их помощники и чиновники меньшего ранга бросились к столу и уничтожили все съестное в мгновение ока.

Очень внушительной церемонией стало награждение его высочества Сейида Хамуда, султана Занзибара, знаками Ордена Великого Командора Звезды Индии. Церемония проходила в зале Виктории, первом здании для общественных церемоний такого рода. Зал находится в султанском саду, где всего за несколько дней до установления британского протектората процветал рабовладельческий рынок. Сэр Артур Хардинг, генеральный консул и дипломатический агент Британского Величества, сидел по правую руку султана; бригадный генерал А. Е. Райки, командующий султанской армией, находился слева от султана. Другими высокопоставленными представителями на церемонии были Базиль Кейв, эсквайр и консул; Генри Дандас, эсквайр, вице-консул; рядом с последним сидел П. Ф. Тиллард, капитан 16-пушечного парового фрегата «Magicienne». За капитаном сидела миссис Базиль Кейв.

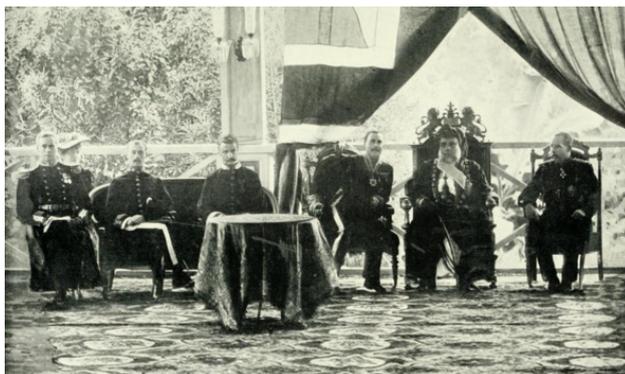
Сэр Артур заслуженно популярен во всех протекторатах. Его изысканные манеры и речь выдают классического эрудированного ученого Оксфорда и выдающегося арабского лингвиста.

Базиль Кейв известен тем, что он сыграл ведущую роль в подавлении узурпатора, который пытался захватить султанат после смерти законного султана.

Занзибар – один из приходов Англиканской Миссии; список ее служителей здесь ужасен. Я обнаружил, что из четырех человек, которые были здесь в 1896 году, остался один; один умер, двое были постоянно больны и покинули миссию. В 1893 году я посетил остров Ликома в озере Ньясса, еще один из их приходов, где список мертвых и негодных еще тяжелее; епископа, который оказал нам дружеское гостеприимство, сменил его архидиакон; когда последний умер, медик-миссионер стал епископом.

Английский клуб в Занзибаре – очень популярное заведение, известное своим таинственным сообществом и другими тайнами, которые не должны быть разглашены непосвященным; однако, последние без труда эти тайны узнают.

От Занзибара до Момбасы – около пятнадцати часов пароходом. В настоящее время существует неопределенность, как долго придется ждать в Занзибаре парохода, чтобы перебраться в Момбасу. Существует, однако, ежемесячное сообщение с помощью немецкой линии и британской индийской линии. Кроме того, пароход протектората «Джуба» курсирует здесь между островами. В прошлый раз, когда я добирался из Момбасы в Занзибар, я плыл на «Джубе», и у нас было арабское доу на буксире, которое тащили до Васина. Васин – это южная оконечность береговой линии британского восточноафриканского протектората (80 км на SSW от Момбасы, на границе с Танганьикой). Напротив него – большой остров, который считается излюбленной резиденцией благочестивых и богатых арабов и местом обучения арабов.

Его высочество Сейид Хамуд, султан Занзибара

Момбаса является столицей Британской Восточной Африки. Остров также называется Момбаса, и он примыкает к материку, который на северо-востоке образует вокруг него защитную преграду в виде мыса, называемого «Английским мысом». Пространство между мысом и островом образует гавань Момбасы. Коралловые рифы сужают устье гавани, и время от времени какое-то судно находит здесь свой конец. Южнее острова есть еще одна гавань – Килиндини, которая, как говорят, лучше. Остров отделен от материка узкой полосой моря, которую при низкой воде можно преодолеть, пробираясь через нее пешком.

Коралловые породы снабжают население отличным строительным материалом, и правительство возводит красивые и внушительные здания, которые служат резиденциями для руководителей разных ведомств.

Темная и мрачная старая португальская крепость расположена на краю воды и охраняет вход в гавань Момбасы.

Португальская крепость в Момбасе

Какие зловещие сцены видели эти старые стены, когда рабство и тирания были необузданными, когда требовалось шесть месяцев, чтобы совершить кругосветное путешествие вокруг Африки через мыс Доброй Надежды в Лиссабон, когда португальский губернатор

был полным хозяином жизни, чести и собственности жителей, и был более абсолютным правителем, чем русский самодержец! Старые стены разрушаются, вокруг разбросаны ржавые демонтированные пушки, некоторые из них еще покоятся в мрачных казематах.

Подчеркивается незначительность человеческого величия! Мелкий тиран, волей случая назначенный владеть провинцией в этих отдаленных регионах, забывает, что он столь же ничтожен, как пузырь на могучем гребне бушующих волн океана; его имя и слово грозны сегодня, а завтра забыты!

Португальская крепость в Момбасе

Узкие извилистые улочки старой части города Момбаса не очень привлекательны. Что касается более новой части, где вали (арабский губернатор или магистрат города) строит ряды туземных зданий для размещения быстро растущего населения, широкая прямая дорога остается открытой для движения и ведет к плантациям какао-ореха и остаткам великолепных старых деревьев манго.

Негритянские дамы восхищаются тем, что на их головах мелкое количество жесткой шерсти тщательно прочесывается профессиональным парикмахером. Высокая мода заключается в том, чтобы шерсть расходилась в продольных грядках от лба до затылка, чтобы придать черепу сходство с ребристой дыней. Вместо того, чтобы удовлетвориться одним отверстием через мочку уха, они протыкают ряд отверстий, расположенных полукругом по всему внешнему краю уха. Серьги затем вставляют в форме маленьких колец, а аналогичное кольцо в хряще правой или левой ноздре носа, завершает украшение. Что касается одежды, чем более кричащий образ и более яркие цвета хлопчатобумажной ткани, тем больше это нравится модницам суахили.

Путешественник может увидеть, как негритянка носит блестящую желтую ткань с отражаемым раскаленным красным солнцем, или еще одну черную леди, щеголяющую в платье с огромным геометрическим рисунком, видимым на расстоянии нескольких миль.

Гостиница «Момбаса-клуб» заслуживает всяческих успехов; она предоставляет спальные места для путешественников в Уганду или из нее. Ибо, хотя есть несколько отелей второго или третьего класса, которые в основном содержатся греками, тенденция всех их состоит в том, чтобы переродиться в притоны для теневого класса мужчин, встречающихся во всех морских портах. До недавнего времени должностное лицо правительства Уганды, прибывающее в Момбасу, должно было зависеть от доброты личного друга, чтобы быть принятым на ночь. У меня была комната в больнице, благодаря любезности доктора Макдональда, главного врача. И если бы не он, мне пришлось бы разбить палатку, как цыгану, на кусочке пустыни, как это было весной 1895 года, когда я выехал из Уганды с пациентом, которому было невозможно помочь дома.

Яркой особенностью острова является дерево баобаб. Когда он теряет свои листья, он стоит голый и изможденной, и выглядит так, будто протягивает подагрические пальцы в апоплексическом приступе. У этого есть любопытный твердый плод, который, будучи разрезанным, поставляет туземцам чаши для воды, таким же образом, как и кокосовый орех поставляет дозаторы для некоторых арабских розничных торговцев.

На острове по-прежнему встречается очень крошечный вид карликовой антилопы; но это красивое и изящное маленькое существо близко к истреблению. Птицы и насекомые хорошо представлены; но, трудно встретить, а скорее невозможно встретить, что-то новое.

В Момбасе есть несколько религиозных миссий. Жаль, что новообращенный туземец так часто приносит позор религии, которую он исповедует. Во многих случаях он учится читать, писать и говорить по-английски более или менее свободно, но становится в силу этого «по-настоящему тщеславным». Новая маленькая английская церковь в Момбасе выглядит очень примитивной.

В моем последнем путешествии на побережье я впервые воспользовался поездкой по железной дороге Уганды. Линия была построена до Кинани, в 170 милях от побережья; но открыта для движения до Вои, в 100 милях от побережья, а затем действовала только в определенные дни недели. Чтобы избежать задержки, я принял предложение продолжить путь в товарном вагоне. Мы покинули Кинани в 21.30. и прибыл в Вои в 03.30; здесь нам пришлось подождать до 8:30 утра, чтобы затем прибыть на станцию Килиндини, на острове Момбаса, в 16.30.

Эта смена поездов и вагонов спасла нас от утомительного марша через пустыню Тарн; но путешественники в Уганду, хотя и избежали самой неприятной части маршрута караванов, все еще испытывают более или менее караванную жизнь до того, как они достигнут своей цели.

ГЛАВА III. КАРАВАННАЯ ЖИЗНЬ

Перемещение в караване по Африке – это здоровый образ жизни благодаря постоянным упражнениям на открытом воздухе и умеренному питанию. Это идеальная жизнь для человека, способного довольствоваться тем, что он ведет более или менее одинокое существование, любит спорт и способен получать удовольствие от даров Природы, которые щедрое Провидение предоставляет на его пути. Если, кроме того, у путешественника есть подходящая одежда и хорошо организованное транспортное обслуживание, проблемы, с которыми он, вероятно, столкнется, будут сведены к минимуму. Конечно, то, что подходит одному человеку, не устраивает всех. В качестве простой иллюстрации возьмите вопрос питания. Некоторые путешественники могут устроить себе очень сытный завтрак утром перед тем, как начать марш. Я, например, не могу принять тяжелую пищу в очень ранний час; тарелка с кашей – это все, что мне нужно, и это мне подходит лучше всего.

Я предпочитаю относиться к вьючным и гужевым животным каравана, как к людям, несущим тяжелые грузы и занимающимся тяжелой работой; Поэтому я всегда даю им полчаса отдыха во время марша, если возможно, рядом с проточной водой, где они могут освежиться. В полдень – перерыв в марше на обед, который состоит из холодных остатков ужина прошлого вечера. Это экономия труда для повара, который должен идти вместе с караваном, как и все мы.

При хорошей погоде, ручейками с небольшими интервалами вдоль марша, хорошей дороге, отсутствием больных в караване и хорошем запасе провизии, марш – это просто удовольствие.

Охота «для обеда» добавляет дополнительное удовольствие. Цесарки и другие птицы довольно часто встречаются и являются очень вкусным и приемлемым дополнением к рациону.

Негры-носильщики очень любят мясо зебры. Некоторые путешественники имеют естественный предрассудок, что есть животное, принадлежащее к лошадиным видам, нельзя; но первый стейк из зебры, который я попробовал, был довольно хорош; возможно, животное, которого я застрелил, не было старым. Жесткий старый жеребец, конечно, не очень привлекательное блюдо.

Однажды на равнинах Ати (*ныне национальный парк Найроби*) я увидел стадо зебр, которое, должно быть, насчитывало более ста тысяч особей; ибо, насколько мог охватить взор, они представляли плотную непрерывную фалангу. Я никогда не встречал ни одного другого вида зебр, кроме той, которая известна как зебра Берчелла. В одну лунную ночь в Кампии-Симбе было почти невозможно спать, из-за непрекращающихся звуков (не похожих ни на ржание лошади, ни на крики осла), издаваемых зебрами, время от времени перебиваемых приглушенным рычанием львов, очевидно, преследовавших их. Однажды на равнинах Ати я наткнулся на мертвую зебру с двумя гиенами пожирающими ее.

Хихиканье гиен каждый путешественник обязательно услышит, если будет проезжать вдоль стада зебр. Я слышал их уже на острове Момбаса, недалеко от больницы. Негры-носильщики ненавидят гиен и нередко боятся их так же сильно, как львов. У гиены очень мощные челюсти и она может нанести очень серьезную рану. Иногда гиены достаточно смелы, чтобы рискнуть проникнуть в караванный лагерь и схватить одного из спящих носильщиков. Нескольких моих людей пытались вытащить таким образом, но из-за криков и поднятого всеобщего шума гиены бросали свою потенциальную жертву. Кажется не случайным совпадением, что захваченные таким образом мужчины неизменно были самыми немощными и изможденными в караване. У меня есть личные счета с гиенами, так как они ранили некоторых из моих носильщиков.

Зебра Берчелла

Три с половиной года назад я подстрелил в Гильгиле (50 км к северо-западу от Найроби) великолепную дрофу, довольно отличающуюся от обычных больших дроф, которые постоянно встречался между Макакосом и Муани. Эта огромная дрофа, должно быть, была редкой птицей, так как я никогда не встречался ни с одним другим подобным экземпляром. У нее был огромный красноватый воротник вокруг шеи, и после страуса это была самая оперенная плюмажем птица, из всех, которых я видел. Я подстрелил ее пулей Мартини удачным выстрелом в шею с расстояния 200 ярдов. Птица от кончика клюва до когтей на ногах была почти в два раза длиннее любого виденного мной до этого экземпляра дрофы. Я оставил шкуру птицы на ночь на верхней части ящиков под навесом моей палатки, чтобы затем сделать из нее чучело. Ночью я проснулся, услышав шум рядом с собой, но слишком поздно; какая-то гиена унесла мою птицу, хотя часовой находился на расстоянии нескольких ярдов от палатки. Не было никакого утешения, в том, что эта гиена, должно быть, отведала свою последнюю еду, так как я использовал мышьяковое мыло при приготовлении кожи.

С тех пор я никогда не оставлял ничего более-менее съедобного в местах, доступных для голодных гиен; для которых пищей могут служить и седло и упряжь. Ту гиену, которую вы видите на снимке, я поймал, установив ловушку. Ловушка делается легко. Привяжите приманку к винтовке перед самым дулом. Для приманки достаточно использовать кусок субпродукта, например, немного очень пахучей козьей шкуры. Следует обратить внимание на то, чтобы разместить приманку таким образом, чтобы гиена не могла схватить ее сбоку, но должна приблизиться головой к дулу. Привяжите спусковой крючок веревкой к дереву или кусту позади него; теперь, если гиена потянет винтовку с привязанной приманкой вперед, и, если ловушка находится в хорошем рабочем состоянии, спусковой крючок сработает. В таком положении пуля почти наверняка поразит мозг. Необходимо только предупредить о ловушке каждого в караване и направить ствол винтовки в сторону от лагеря.

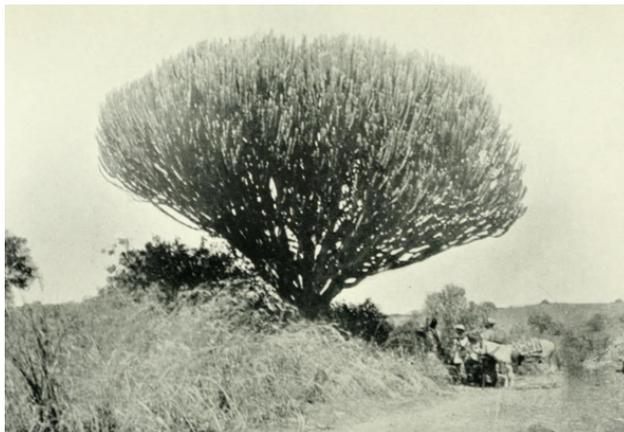
Гиена, убитая с помощью ловушки

Большинство путешественников вместе со своим караваном ведут несколько коз или овец на случай невозможности настрелять дичь или купить мясо у туземцев. Животных следует тщательно запирать в прочном защитном ограждении, называемом на языке суахили «бома». Во время моего второго путешествия мы купили овец и коз в Кикуйю в ожидании продолжения нашего марша на следующее утро.

Животных поместили на ночь в обычный загон за пределами форта. На следующее утро мы обнаружили, что гиены унесли двух овец, сильно порвав третью, которую нам пришлось убить на месте. Один такой случай служит пожизненным уроком, чтобы не оставлять без внимания вероятность ночного посещения этих мародеров.

Одним из удовольствий караванной жизни является возможность собирать редкие цветы и растения, возможно неизвестные науке. Некоторые люди, как выразился исследователь Телеки, имеют «удачную руку». Однажды на марше он собрал, более или менее случайно, несколько растений, большинство из которых были до этого неизвестны. Но не обязательно быть ботаником, чтобы любоваться деревьями и цветами тропической Африки.

Возьмем, к примеру, дерево эуфорбии, встречающееся довольно часто на караванном маршруте. Образец, показанный на иллюстрации, вырос на обочине между Китава и Киберо. Его величественные размеры можно оценить, взглянув на группу людей, укрывающихся под ней. Весь мой караван поместился под этим деревом, хотя многие были спрятаны травой, которая была высотой от шести до восьми футов. В некоторых частях Протектората эуфорбия является единственным видом дров, который можно добыть, как скоро это узнает каждый путешественник через западные части Кавирондо. Это плохой вид топлива, и если он и предлагается для продажи, то только из-за нехватки любых других дров.

Дерево эуфорбия

В целом на караванном маршруте обычно есть хороший запас дров, помимо правительственных станций, где их нужно покупать у туземцев, которые привозят дрова в лагерь или на назначенный рынок. Кроме того, путешественник в лагере отправляет определенное количество своих носильщиков, чтобы собрать дрова. Люди, естественно, собирают только сухую древесину, упавшие или мертвые ветви, и, таким образом, никакой вред кустарнику или лесу не причиняют. Защитный забор для скота снабжается шипами.

Отсутствие пальм по пути каравана – довольно редкое явление. Какао-ореховые пальмы Занзибара и Момбасы, а также береговой линии в Дар-эс-Саламе, Килве и Мозамбике, подчеркиваю живописную особенность тропического пейзажа.

Когда путешественник покидает Момбасу и побережье, он не увидит больше какао-ореха в течение следующей тысячи миль вглубь страны; но есть некоторые другие виды пальм, с которыми он обязательно встретится. Например веерная пальма в Уньоро.

Это величественное дерево достигает значительной высоты. В некоторых частях мира дешевые вентиляторы изготавливаются из плетеных листьев этой пальмы. Каждый европеец любящий природу пытается защитить такие красивые деревья от бессмысленного разрушения от рук дикарей.

Веерные пальмы в Уньоро

Веерные пальмы Африки

Некоторые путешественники описали опасность нападения пчел, когда маршрут каравана проходит мимо дерева, укрывающего рой. Я никогда не испытывал такого несчастья, в моей биографии была пара укусов африканских пчел. Но я сомневаюсь, что есть путешественник, который был в Уганде, не будучи раздражаемым другими мучителями. Это муравьи. Есть крошечные желтоватые муравьи почти микроскопического размера, настоящие карлики в мире муравьев. Есть огромные черные, длинные, настоящие гиганты, по сравнению с обычным размером муравьев. Существует дружелюбное племя, которое пробегает по руке или лицу и не пытается укусить, а лишь в поисках мертвых насекомых. Существует воинственный вид, который атакует, если кто-то непреднамеренно вторгается в их область; и есть убийственный, кровожадный вид муравьев, склонных причинять боль, пока в их теле остается хоть искра жизни. Существует также белый муравей (*термит*), весьма разрушительный для имущества путешественника.

Самые маленькие муравьи обычно совершают самоубийство сотнями, смешиваясь с пищей путешественника. Воинственная разновидность светло-красного цвета на суахили называется «маджо-мото», что означает «кипящая вода». Их гнезда состоят из множества листьев, скрепленных вместе какой-то паутиной. Эти гнезда в кустарниках нависают над неглубокими ручьями или болотами. Неосторожный человек может встряхнуть такую ветку, проходя под ней. Сразу же он получает душ из этих воинственных насекомых. Их укус ощущается как острый ожог, и тому, на кого они нападают, лучше быстро отступить. Как правило, эти муравьи оставляют врага в покое, как только тот удаляется. Но тот, кого на суахили зовут «сиафу», не отступит и не отпускает врага, пока сам не будет убит. Их челюсти все еще цепляются за жертву, даже когда их головы оторваны от тела. «Сиафу» движется в миллионных колоннах. Только огонь сможет удерживать эту армию от направления, которое муравьи выбрали для похода; и я знаю не один случай, когда человек случайно сжигал свою хижину, пытаясь отразить атаку «сиафу». Мне приходилось убежать от этого крошечного вредителя.

Гигантские муравьи обычно встречаются небольшими колониями, скрываясь в свои подземные туннелях и вылезая из них. Они никогда не атакуют людей и животных.

Известный белый муравей – термит строит огромные пирамиды. Термитники являются неотъемлемой чертой африканского ландшафта. Один из них лежал вдоль пути каравана по Синьо.

Как и у пчел, у термитов есть королева, от благосостояния которой зависит благосостояние сообщества. Следовательно, чтобы освободиться от термитов возле деревянного здания, надо попытаться найти королеву и уничтожить ее. Она совершенно беспомощна, ее жирное тело длиной почти два дюйма. Ее внимательные подданные обычно держат ее в какой-то куполообразной камере, вход в которую они блокируют и закрывают при любом приближении опасности. Действительно разрушительное существо среди термитов – это крошечный «рабочий». Среди «рабочих» можно увидеть некоторые особи вооруженные парой клещей. Это «воины», которые мчатся к поврежденному месту термитника и будут яростно атаковать все и всех на своем пути.

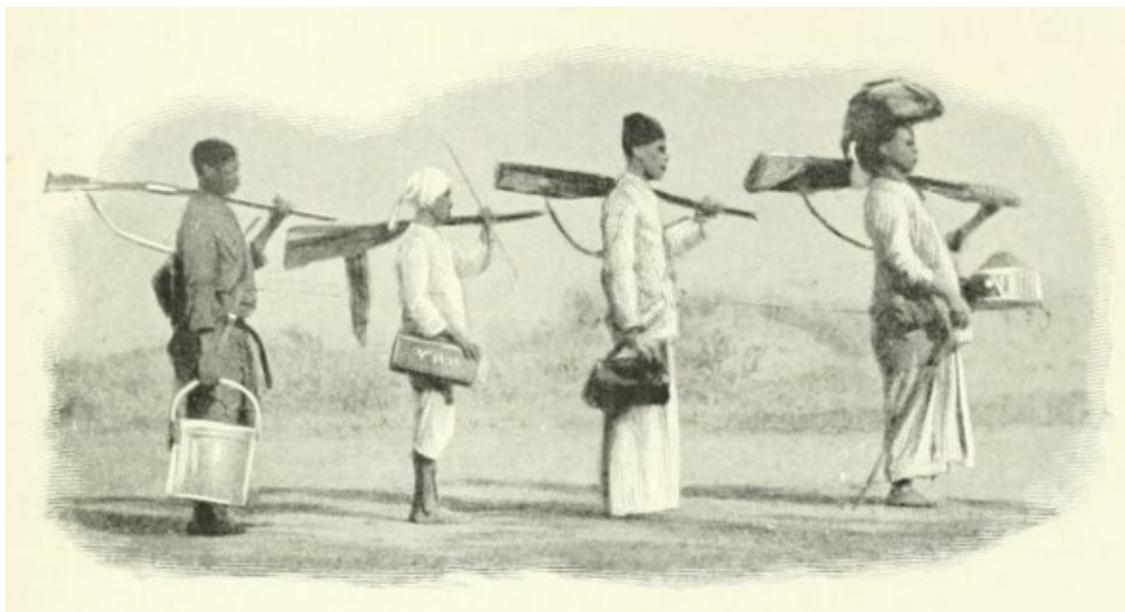
Любопытный член этого сообщества – большой черный крылатый термит длиной около одного дюйма, который в определенные сезоны вылетает из термитника миллионными. Крылатый термит является частью туземной пищи. В Кавирондо я видел туземцев вокруг такого роя термитов, негры ловили насекомых горстями и ели их живыми. В Уганде туземцы размещают своего рода камышовую рамку над термитником и прикрывают ее тканью, оставив отверстие открытым и выкопав возле него яму, в которую муравьи падают сотнями. Любопытно видеть, как эти крылатые муравьи теряли свои крылья, как только они касались земли. Белые муравьи высушиваются и являются торговой статьей. На марше через Буламвези у меня был шанс попробовать приготовленное из них жареное блюдо. Это совсем не плохой продукт и дополняет рацион там, где ощущается нехватка мяса. Главным

недостатком этих жареных муравьев является их жирный вкус, хотя это и есть то, что так ценится среди туземцев. Хрустящие тела жареных муравьев имеют удаленное сходство с креветками.

Цвет термитника зависит от почвы местности. Я видел серовато-белые бугорки, где в почве была белая глина, но чаще холм образован красной землей. Недавно построенный термитник обычно имеет более темный цвет и сам влажный и мягкий; но затем он затвердевает настолько, что тяжелая антилопа гну может стоять на нем, не нанося урона строению. Старые или заброшенные термитники зарастают травой, и очень часто на вершине их растет дерево или куст. Разнообразная форма этих холмов показывает, что они построены очень нерегулярно, без математической точности, которая так характерна для пчел. Термиты, обитающие в Уганде, сильно отличаются от тех, что я видел на Маврикии. Маврикийские разновидности не строят высокие термитники, обычно это черная шарообразная масса вокруг какого-то дерева. Крылатые мавританские насекомые, которое роилось в определенных сезоны, было маленькими, белыми и мягкими, вместо того, чтобы быть крупными, черными и хрустящими, как африканцы. Птицы поедают маленьких мавританских крылатых насекомых так же жадно, как и туземцы термитов черного африканского сорта. Змеи и другие существа иногда находят убежище в воздушных проходах, которые пересекают термитник; белка, которую я преследовал возле Кинани, убежала от меня, нырнув в один из этих туннелей.

Для путешественника абсолютно необходимо иметь хороших слуг. Благополучие путешественника зависит от тех слуг, которых он привлекает; они должны быть честными, исполнительными, трезвыми и здоровыми. Если в 800 или 1000 милях от побережья слуга уволен, его практически невозможно заменить.

На иллюстрации показана моя последняя партия слуг или «боев», как их обычно называют; и хотя, в целом, мне необычайно везло с моими «боями», эти четверо были лучшими из всех, кто у меня был.

Трое принадлежали к народностям: мнямвези, вахима и суахили, а один был арабом. Поскольку у меня было две винтовки и два ружья, каждый «бой» должен был носить их на марше. Араб-бригадир отвечал за мой полевой бинокль, револьвер и сумку, в которых содержалось множество мелких предметов, таких как спички, сигареты, консервный

нож, шпагат, ножницы, нож и т. д. Мнямвези обычно нес мою водонепроницаемую сумку на голове и коробку для шлема, привязанную к винтовке. Тропический шлем, который я обычно ношу, становится таким же тяжелым, как кусок свинца, если он подвергается воздействию хорошего ливня; поэтому он помещается внутри коробки при первом предупреждении о ливне, а на голову надевается промасляная кожа.

Низкорослый вахима-бой отвечал за мой сачок для ловли насекомых и коробку с образцами; он и мнямвези носили также алюминиевую бутылку с водой. Это была обычная обязанность вахима-боя следить за тем, чтобы одна из этих бутылок была наполнена свежим чаем перед началом марша.

Караваны следуют одной колонной за «киангози» или проводником. Теперь, когда есть открытая дорога из Момбасы в Кампалу, проводник больше не требуется; но в моих первом и втором путешествиях «киангози» был важным персонажем. Все, однако, зависит от начальника каравана. Если впереди опасность, он должен быть передовым, а если где-то враг лежит в засаде, чтобы вырезать караван, начальник должен быть последним и не допустить, чтобы отстающие отделились от основной колонны.

В моем четвертом путешествии мы с трудом избежали пленения людьми Мбарука*, повстанческого араба, который на какое-то время сделал дорогу между Нди и Имазерой небезопасной. В указанное время правительством был отправлен вооруженный эскорт, чтобы встречать караваны, и мы только что пропустили день прибытия такого эскорта. Мы шли день и ночь до тех пор, пока носильщики не устали до полусмерти, и, наконец, я должен был позволить им лечь на какое-то время. Они мгновенно заснули посреди дороги рядом со своими грузами. Но, будучи лидером каравана, ответственным за общую безопасность, я не мог позволить себе спать, поэтому сидел с заряженной винтовкой и пальцем на спусковом крючке, проводя на таком дежурстве тревожные часы, так как я не мог доверить это никому из моих людей. Это длилось всего пару часов, но каждая минута, казалось, тянулась вечно. Затем я разбудил людей, и мы поспешили дальше. Спустя полчаса отряды Мбарука прошли через то самое место, где я был вынужден дать каравану и отдохнуть и немного поспать.

** Мбарук (Mbaruk) Бин Рашид Бин Салим аль-Мазруи (годы рождения и смерти неизвестны). Правитель султаната Гази на восточно-африканском побережье во второй половине XIX века, руководитель вооруженного выступления против английского колониального вторжения в 1895—1896 г. г. Мбарук принадлежал к арабской династии аль-Мазруи, которая в XVIII – XIX веках формально находилась в вассальной зависимости от султанов Занзибара и многие десятилетия вела борьбу за полную самостоятельность. С переходом в 1890 г. Занзибара под британский протекторат эта борьба обострилась. После создания Восточноафриканского протектората в 1895 году британские власти объявили Мбарука мятежником и послали против него карательную экспедицию. Избегая столкновений с англичанами, Мбарук начал партизанскую войну. Только после прибытия значительных подкреплений из Индии англичанам удалось разбить основные силы Мбарука. В апреле 1896 года остатки его войска перешли на территорию Германской Восточной Африки и сдались немецким властям. – Примечание переводчика*

Негры в караване – самые беспечные существа, и даже уверенность в том, что коварный враг может прятаться в кустарнике, не заставит их бодрствовать, выставленные часовые беззаботно засыпают. Один из миссионерских караванов, таким образом, подвергся нападению. Это было в 1895 году, и я был тогда в Мумии в Кавирондо. Ночные стражи, которым было поручено дежурить, заснули. Враждебные дикари внезапно бросились с копьями на заснувших и убили большинство из них на месте. Несколько выживших сбежали и добрались до Мумии. Мне пришлось перевязывать их раны. У одного человека был снят скальп,

и его лоскут свисал, у него также была глубокая колотая рана в затылке, его бедро пронзило копье, а его рука была глубоко порезана в нескольких местах. У других были раны от копий и порезы на теле. Я полагаю, что около двадцати носильщиков погибли, из-за их безрассудства и пренебрежения общей безопасностью.

Лагерная кухня примитивна до крайности и разворачивается на открытом воздухе; в дождливую погоду грубая хижина из травы может служить кухней. Очень сложно отметить устоявшийся обычай караванов, согласно которому повар освобождается от переноски чего-либо, кроме лагерного чайника. Носильщик, который должен нести горшки в качестве «помощника повара», действует на стоянке, как мойщик посуды и буфетчик, и приобретает своего рода право наследовать должность повара. Повар сидит и руководит. Как бы мало он ни работал, он всегда ожидает, что его будут снабжать одним или несколькими помощниками, которые будут чистить овощи, ощипывать птицу, кипятить воду и т. д.

Если помощник повара немного умен, он скоро постигает кулинарные секреты, поскольку повар заставляет его выполнять всю работу; и если у помощника есть какие-то способности, он вовремя узнает дополнительные рецепты от других поваров. Однажды судья в Кампале обнаружил, что его повар никогда не и не готовил еду; все делалось помощником повара, повар, оставил за собой только право снимать пробу. Сняв пробу, повар не только наслаждался безделием до конца дня, но и менял монотонность своего существования, напиваясь, как свинья.

Кажется, нет никаких причин, почему повара должны быть пьяницами, но это, к сожалению, правило, а не исключение. Мой повар Муса преуспел в этом точно так же, и, поскольку суданское виски в Кампале оказалось слишком большим соблазном для него, он отсутствовал три дня напиваясь до беспамятства. Когда Муса снова появился в моем лагере, он обнаружил, что Хамади Марзук, помощника повара, занял его место на постоянной основе.

Это напоминает мне аналогичный эпизод, который произошел с двумя дамами в гостях на Сейшельских островах. Их повар, освобожденный раб, доставленный с захваченного британским военным кораблем арабского рабовладельческого доу, часто отсутствовал в течение дня или более без разрешения. Добросердечные дамы, склонные быть вдвойне добрыми к одному из бывших рабов, слишком мягко возражали против его подобного поведения, после чего негр обнаглел настолько, что с негодованием возразил, что он уже не раб и может поступать, как ему вздумается. После чего он отбыл в установленный им самим длительный отпуск. Когда, наконец, он прогулял все свои сбережения и вернулся, то обнаружил, что кто-то еще уже нанят в качестве повара. Проворное, но безуспешное обращение его к судье для восстановления в должности потерпело неудачу. Решение судьи еще больше озлобило его по отношению ко всему англичанам – нации, которая, по его мнению, освобождает бедных рабов, а затем фактически не позволяет им уходить с работы, когда им нравится и на сколько им нравится. Чувство благодарности за освобождение от рабства и за предложение неплохо оплачиваемой работы у негров полностью отсутствует.

Глубоко привитая рабская природа негра не может быть уничтожена и изменена, как нельзя превратить клячу в скакуна, просто вытащив ее из оглобелей телеги и положив на ее спину дорогое седло.

Туземные повара, если это не запрещено, считают наиболее удобным развести костер у подножия самого прекрасного дерева, как убежища от ветра. В результате в ходе приготовления пищи сжигается и само дерево. Я видел много очень красивых деревьев, уничтоженных таким образом. Для туземца непонятно, почему европейский путешественник, который никогда больше не придет сюда снова, заботится о благополучии простого дерева, хотя это и был лесной король, которому было несколько сотен лет.

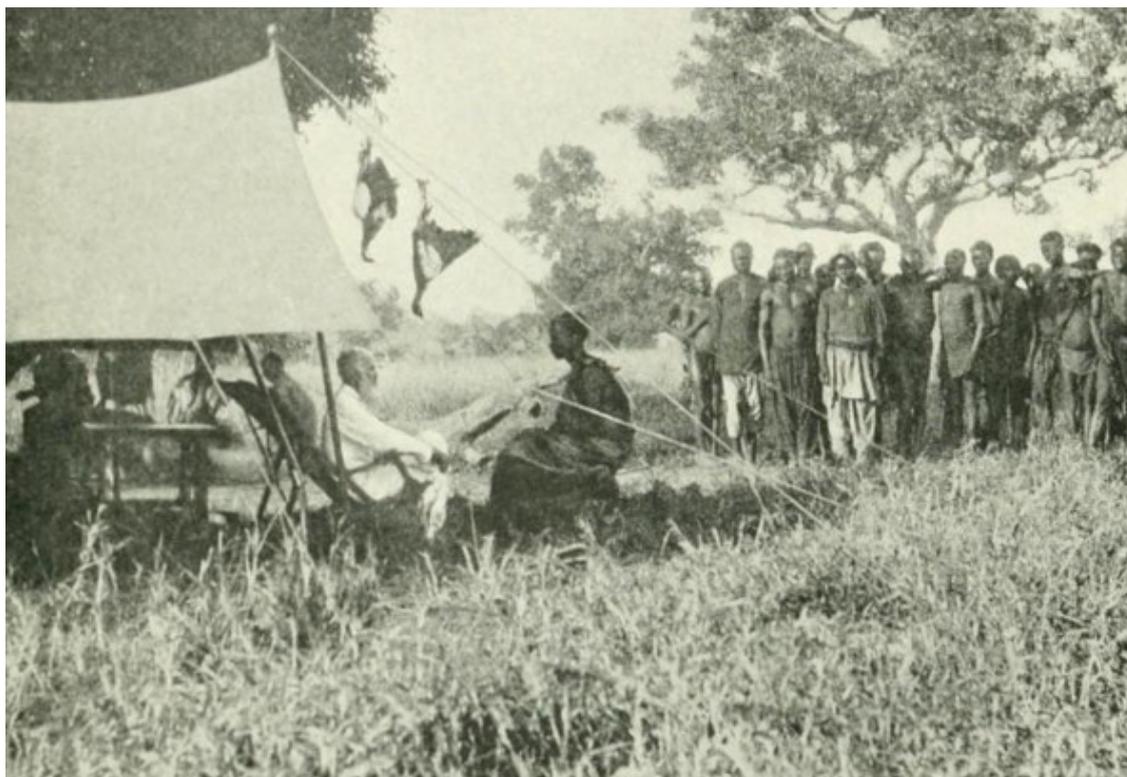
Частым случаем из жизни каравана является визит дружественного вождя. Вождь обычно сопровождается толпой подданных. Разговор, естественно, ограничен взаимным непониманием языков собеседников; но время от времени он может оказаться очень интересным, как в случае с вождем, изображенным на фотографии. Этот вождь, обитавший на западном берегу озера Альберт, встречал Казати,* Эмин-пашу** и других выдающихся путешественников; и он помнил, как пароходы Эмин-паши плавали по озеру.

* *Гаэтано Казати (1838 – 1902) – итальянский путешественник. Был офицером берсальеров. В 1879 отправился в Африку в бассейн Бар-эль-Газалья, посетил земли Ням-Ням и Монбуту и в апреле 1883, вместе с доктором Юнкером, был гостеприимно принят в Ладо Эмин-пашой, которому помогал в военных действиях против махдистов. 16 мая 1886 Казати появился в Униоро, где с ним, однако, обошлись не как с гостем, а как с пленным. Приговоренный к смерти, он, при известии о приближении Стэнли, был освобождён. Присоединясь к Стэнли и Эмин-паше он вместе с ними 3 декабря 1889 достиг берегов Багамойо. Его сообщения о политических, коммерческих и этнографических особенностях, о географии и метеорологии стран верхнего Нила были опубликованы в Милане в 1883—1888).* – прим. переводчика

** *Эмин-паша (Эдуард Шнитцер, 1840 – 1892) – немецкий колониальный деятель, путешественник и исследователь Африки. Выходец из еврейской семьи, Шнитцер изучал медицину и естественные науки в Германии, с 1865 года работал врачом в Македонии, Трапезунде, Янине и Константинополе. Находясь на службе Османской империи (в 1865—74 годах) принял ислам и имя Мухаммед аль-Эмин. В 1875 году приехал в Хартум и был назначен чиновником администрации губернатора Экваториальной провинции (1876—78 гг.). Поступив на египетскую службу как Эмин-эффенди, он совершает в 1877 году экспедицию к Буньоро и Буганда (территория современных Руанды и Уганды). В 1878 году хедив Египта назначил Эмин-пашу вместо генерала Гордона губернатором Экваториальной провинции; в том же году ему был пожалован титул бея, а в 1888 году – паши. В 1877—88 годах Эмин-паша также совершает ряд экспедиций в верховья Белого Нила и район Великих Озёр, проводит многочисленные географические, зоологические, метеорологические и этнографические исследования в этих регионах, а также в Восточном Судане, подготавливает и отправляет в Европу ценные биологические и этнографические коллекции. Как губернатор Эмин-паша пытается реорганизовать местную систему управления, а также решительно борется с работорговлей. После вспыхнувшего в 1883 году в Судане восстания Махди, взятия махдистами в 1885 году Хартума и отхода англо-египетских войск из Северного Судана администрация Эмин-паши оказывается отрезанной от внешнего мира. Связь с Европой осуществлялась через В. В. Юнкера (российского путешественника). Экспедиции под руководством Генри Мортон Стэнли, отправленной в 1886 году ему на помощь, удалось 4 декабря 1889 года соединиться с отрядом Эмин-паши в Кингани на берегу озера Альберта. В том же месяце они вышли к восточному побережью Африки в районе Багамойо, севернее Дар-эс-Салама. В 1890 году Эмин-паша поступил на службу к германскому правительству и в том же году, совместно с Францем Штульманом (1863—1928), возглавил экспедицию, имевшую целью распространение влияния Германии на территории между Германской Восточной Африкой и Камеруном. Во время этого похода подчинил территории народов угого и уньямвези, поднял германский флаг над Таборой, основал на западном берегу озера Виктория город Букоба, откуда вернулся к озеру Альберта. Штульман же продолжил продвижение к побережью. Полуослепший Эмин-паша некоторое время спустя предпринял попытку пробиться к берегам реки Конго, но в пути был убит по наущению арабов, ненавидевших его за то, что Эмин-паша жестоко преследовал работорговлю.* – прим. переводчика

Если ваш туземный «собеседник» не имел какого-то общения с европейцами и не понимает языка суахили, который служит в Африке международным языком, как французский в Европе, вам понадобятся переводчики; иногда требуется несколько разных переводчиков. Я помню, в Хойме (*восточное побережье озера Альберт в Уганде*), мы использовали нескольких переводчиков, чтобы перевести английский на суахили, который нужно было перевести на арабский язык, а затем на язык народа ваньоро; насколько правильно дошла до нашего черного собеседника оригинальная речь, так и осталось тайной. Вразумительного ответа мы так и не получили.

Однажды я приказал моему «бою» попросить деревенского старосту продать мне два или три яйца. Я, к счастью, случайно услышал, как мое сообщение было переведено: «Ты должен сразу же принести три яйца, два цыпленка, спелые бананы и много местного пива, или вождь будет привязан к дереву и получит порку из двадцати ударов плетью из кожи бегемота. А теперь исполняй, как можно быстрее!». Я поспешил из палатки, и я позвал другого переводчика, чтобы заверить старосту деревни, что я только попросил купить несколько хороших яиц и что угроза порки была полной неправдой. Затем у меня было объяснение с моим «боем»! Он, похоже, был удивлен, что должен быть наказан за те распоряжения, которые он отдал. А что касается двадцати пяти ударов плетью из кожи гиппопотама, так это, как заявил «бой», было всего лишь необходимой фигурой речи, чтобы произвести впечатление на «washenzi» (то есть на «дикаря»), и вызвать уважение к «белому человеку!»

Дружественный вождь посещает наш лагерь

В Кавирондо (прибрежная территория залива Кавирондо на озере Виктория, см. карту) нужно купить пищу для каравана; но в Усоге и Уганде вождь или деревенский староста, ближайшей к лагерю деревни обычно предоставляет безвозмездную помощь в силу некоторых договоренностей с правительством. Обычно помощь состоит из пучков зеленых бананов. Как правило, вождь также приносит курицу, несколько спелых бананов и тыкву мест-

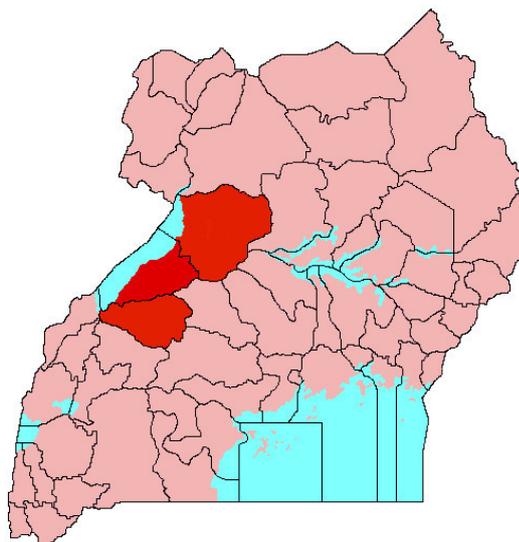
ного пива. Фотография ниже представляет собой типичную сцену в Уганде. Вождь, ведущий своих мужчин, женщин и детей, обнимает курицу, которую он намеревается предложить начальнику каравана. За ним стоит женщина с калекбасом туземного пива. На головах негров пучки бананов тщательно обернутые в листья.

Вождь деревни принес провизию для каравана

Только в районах, охваченных волнениями, либо враждебных, либо недавно пострадавших от нападения врагов, можно встретить проблему с пополнением продовольствия. Я помню один раз в Касоква в Уньоро, предложение продуктов было настолько скудным, что у нас оставалось всего по три зеленых банана на человека за день. Еще один день в Уньоро * в короткой поездке между Масинди и Фовирой был даже хуже. Мой спутник оставил вопрос выбора лагеря одному из своих сержантов-суданцев, в результате чего у нас был очень длинный марш, и в ходе этого марша мы не нашли никакой провизии для наших носильщиков. На следующий день этим несчастным носильщикам пришлось совершить еще один ужасно длинный марш в течение почти двенадцати часов, чтобы добраться до Фовиры, где им был роздан сладкий картофель. Мы прибыли в селение после захода солнца, когда уже наступила темнота, и эти сладкие картошки были первой пищей, которую носильщики получили в течение двух дней.

** Уньоро – страна в Восточной Африке, на западе Уганды и ограниченная с востока и севера рекой Виктория Нил. На западе Уньоро включает почти весь восточный берег озера Альберт Ньянза.*

Уньоро на территории Уганды (отмечена красным)

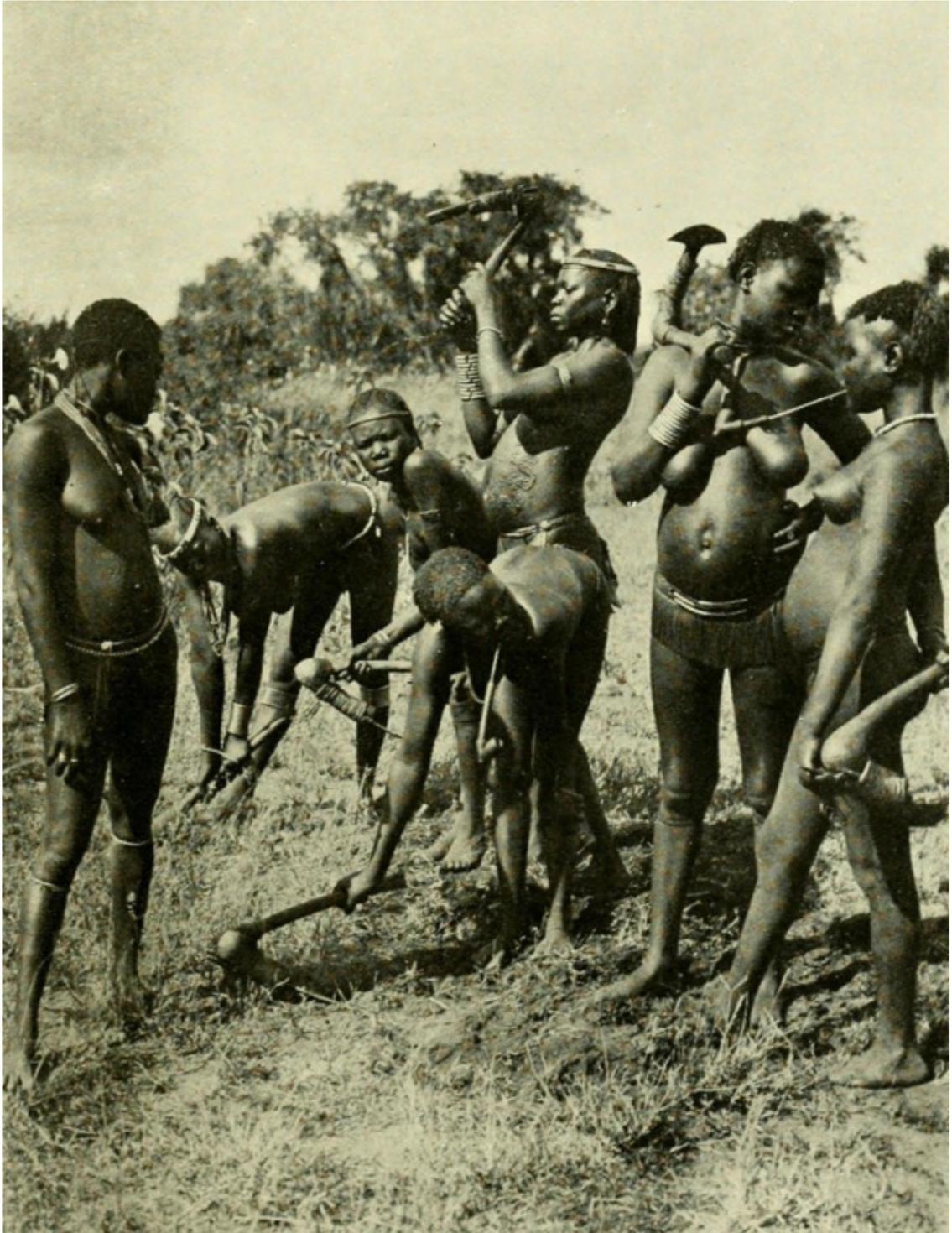
Поездка в Уганду может быть сокращена путем пересечения озера Виктория Ньянза от Кавирондо (*ныне Кисуму*) до порта Алиса. Я когда-то пересек озеро на стальной парусной лодке церковной миссии. Нам потребовалось три дня для плавания из Сиво Бэй (залив Кавирондо) в Порт-Алис (Уганда). Мы плыли вдоль северного берега озера только при дневном свете, а на ночь разбивали палатки и проводили всю ночь на берегу. Сделанная из стали маленькая каюта на лодке была невыносимо жаркой, так как на небе не было ни единого облака. Именно в этой поездке я случайно повредил правую руку, что вызвало заражение крови и потребовало нескольких операций, две из них были под хлороформом в исполнении временного врача миссии; но в конце-концов, я на всю жизнь остался с поврежденными суставами пальцев.

Известие о страшной засухе на предполагаемом маршруте дошли до меня в Момбасе; и, предвидя, что придется нести дополнительную воду для каравана, я приобрел несколько пустых керосиновых банок. В Маджи Чумви (3°47'S 39°22'E) есть бассейн солоноватой воды. Но он был просто ядовит из-за засухи, носильщиков проходящих караванов, моющих в них свои язвы, а также из-за скопления грязи в целом. Я наполнил свои бутылки водой в предыдущем лагере. На следующий день мы достигли Самбуру. Здесь мы обнаружили, что ямы для воды абсолютно сухие. Мы отдыхали во время жаркого дня, а в 14.00 снова отправились в следующий лагерь, Тару. Пока мы ждали в Самбуру, некоторые туземные женщины с тыквами воды пересекали караванную дорогу; они несли какую-то неприятную солоноватую воду издали, поэтому нелегко было уговорить их продать нам воду по огромной цене. Они знают ценность серебряных рупий и больше ничего не берут. У меня не хватало серебра, но, к счастью, мой староста смог одолжить мне. Я купил драгоценную воду и раздал ее крошечными порциями людям и животным. Некоторые из моих людей начали яростно спорить, обвиняя друг друга в том, что оппоненты взяли больше, чем положено этого грязного и тошнотворного напитка. Я должен был взять палку и бить без разбора этих комбатантов, чтобы предотвратить кровопролитие и убийство, так как некоторые из них вытащили ножи.

Залив Кавирондо (на северо-востоке озера Виктория)

Караваны обычно идут со скоростью 2,5 мили в час; а мы прошли 10,5 миль до Тару за четыре часа и пришли туда на закате. Там расположился большой караван, и поэтому его люди и шестьдесят ослов почти осушили знаменитые колодцы Тару. Я должен был спешить, чтобы наполнить наши керосиновые банки тем, что мы могли зачерпнуть – это была жидкость, густо смешанная с илом. Я тоже должен был или пить ее, или умереть от жажды. Мои люди были слишком измотаны, чтобы идти дальше. На следующий день я отправил несколько мужчин с банками за этой, так называемой водой в следующий лагерь, где снова не оказалось воды. Три человека, вооруженные винтовками, были оставлены охранять этот драгоценный колодец, от которого зависела жизнь каравана, в надежде, что эта яма постепенно наполнится. Следующей ночью мы прошли около двадцати миль и нашли наших часовых у колодца, который за это время успел наполниться некоторым количеством воды. Каждый человек и животное получили свою пинту. Я мог дать им отдохнуть только от 9 утра до 14.00 в самое жаркое время дня, а затем мы снова продолжили марш. Прежде чем мы стартовали, я раздал остальную воду. Мы достигли Маунгу ($3^{\circ}33'S\ 38^{\circ}45'E$, в 100 км к *WNW* от Момбасы), пройдя около десяти миль, и отдохнули три часа. Я не стал разбивать палатку, чтобы дать людям побольше отдохнуть, а бросился на кровать и спал, как бревно. Будучи разбуженными через три часа дежурным часовым, мы продолжили поход, и через двадцать миль подошли к реке Вой, что спасло нас от жажды. Я был рад, что мы не потеряли ни одной жизни; но последствия приема грязной воды ощущались мной несколько дней в виде боли в области почек. У туземцев и животных были только признаки усталости, но не боли. Засуха сопровождала нас без перерыва до реки Цаво, но без каких-либо дополнительных рисков для жизни.

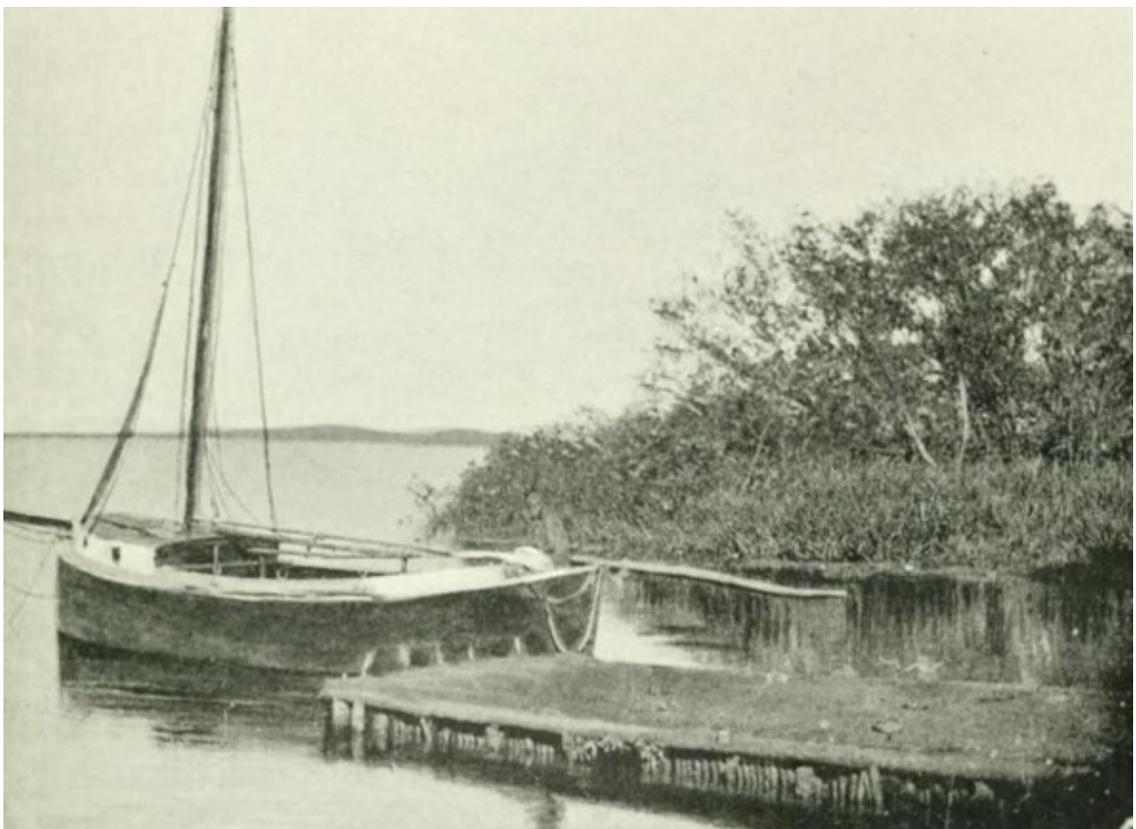
Женщины банту в Кавирондо

Туземцы Кавирондо

Туземцы Кавирондо

Стальная лодка религиозной миссии на озере Виктория

Кибанда или дом из тростника с травяной крышей

В Цаво до реки Ати нас сопровождал непрерывный дождь, днем и ночью. Носильщики промокли насквозь, и я тоже, несмотря на макинтош и шлем. Во время стоянки палатку приходилось устанавливать на грязной земле в дождливую погоду. Все было влажным, липким и затхлым. Дождь шел всю ночь. На следующее утро мы шли по грязи при непрерывном ливне, как будто наступил второй потоп. Мы тащились вперед, забрызганные грязью, полуслепые от дождя и дрожа от холода, чтобы дойти до очередной стоянки и повторить опыт предыдущих дней. В караване разразилась лихорадка, диарея и дизентерия. В Mto-ya-Mawe мне удалось добраться до лагеря, но при яростной атаке лихорадки. На следующий день мы добрались до Алуани, и половина людей в моем караване заболели, я остановился на целый день, чтобы дать всем отдых; но пищевая проблема была настолько серьезной, что нам пришлось снова идти. Мы достигли реки Ати, где приветствовали прекращение дождя и появление солнечного света. Отсюда и до конца путешествия нас сопровождала хорошая погода, и только изредка были дождливые дни.

В Уганде путешественник иногда видит «кибанду» или хижину из травы соломы, что является очень приемлемым убежищем в дождливую погоду, потому что он может зажечь внутри огонь и сушить одежду. У «кибанды» есть дверь, но нет окон; там может быть или не быть тростникового экрана для закрытия двери. Хижины этого типа недолговечны и вскоре разрушаются, так как обычно, беспечные негры о них не заботятся. Есть здесь и необитаемые хижины, которые становятся прибежищем тараканов, крыс и летучих мышей.

В Кампале я жил в «кибанде» три месяца. Термиты почти уничтожили матрац моей койки, и мне пришлось держать другие вещи поднятыми над землей на высушенных на солнце кирпичях, муравьи не добирались до них. Что касается крыс, мой слуга однажды убил трех палкой, а ловушку для крыс, которую я привез из Англии, я считал одной из моих самых полезных вещей в походе. После того, как убил около десятка крыс, я отказался от их подсчета.

Покойный майор Трустон, когда командовал гарнизоном в Уньоро, построил в Фаджао травяной дом в суданском стиле, и очень любезно предоставлял его в распоряжение всех, кто посещал станцию. Поскольку он приказывал своим чернокожим слугам содержать хижину в чистоте и порядке, это было приятным сюрпризом для каждого посетителя. В погожие дни

я обычно принимал пищу неизменно за дверью, под приятной тенью деревьев, и наблюдал, как зеленые белки резвятся между ветвями и слушал желтых птиц-ткачиков, ведущих свой шумный разговор.

Травяной дом для путешественников в Фаджао

У каждого каравана должен быть хороший староста или бригадир. Бригадиры теперь получают от 40 до 60 рупий в месяц, или от 2 фунтов 10 шиллингов до 4 фунтов. Им разрешено иметь, по крайней мере, одного и очень часто двух носильщиков для переноски палатки бригадира и его частных вещей, и бригадиры получают ежедневный двойной рацион, по сравнению с носильщиками. Обязанности бригадира важны и многообразны. Он следит за людьми, чтобы они не отлучались без разрешения или не уклонялись от своей работы, чтобы держались все вместе, чтобы не грабили дружелюбных туземцев, чтобы собирали дрова, а ночью поддерживали костры, чтобы выючные животные были защищены от диких зверей и т. д. У бригадира есть, как правило, один или несколько помощников.

Аскари – это своего рода солдат эскорта. Он должен защищать караван в случае нападения, и по этой причине снабжен винтовкой и двадцатью патронами. Кроме того, в случае, если заболел кто-то из носильщиков должен взять на себя его груз. Аскари выплачивается 1 фунт в месяц, они должны нести свои собственные вещи сами.

Самый здоровый стиль путешествия – пешком. Мое первое путешествие в караване от озера Ньясса до Килвы целиком было пешим. Но в первом путешествии из Момбасы в Уганду я ехал почти всю дистанцию на осле. Те, кто может себе это позволить, едут на лошади. Некоторым очень везет в том, чтобы безопасно провести своих лошадей через районы, зараженные мухой цеце; большинству, как правило, не везет. Один человек потерял трех лошадей поряд, добираясь в Кавирондо. Лошадь требует хорошего конюха и постоянного ухода. Осел более прост и сам ищет себе еду.

Это очень выносливое животное, и не требует внимания. Белые ослы Маската в Момбасе довольно дороги; нередко они дороже лошадей. Осел, который лучше всего подходит моему кошельку и требованиям, был обычным серым масаи-ослом. Самый первый мой осел в один прекрасный день упал около Килунгу и вывихнул ногу, которая настолько опухла, что бедное животное не могло идти дальше. Его нужно было оставить, и он был передан одному дружественному вакамбе. В другом путешествии я потерял очень хорошего осла, пересекая реку Nzoia. Ему разрешалось плыть, рядом с туземным каноэ, его голова поддерживалась за уздечку человеком в лодке. Рядом с противоположным берегом глупый негр отпустил уздечку и ударил осла бамбуковой палкой. Течение было очень быстрым, а берег очень крутым для того, чтобы животное могло забраться на него без посторонней помощи. Осел был унесен течением и мы больше его не видели. Только однажды я потерял осла от мухи цеце.

Моим лучшим ослом был «Джек», моя последняя покупка. Я купил его в Момбасе за 75 рупий (5 фунтов); он сопровождал меня до озера Альберт и вернулся со мной в Момбасу, пройдя полторы тысячи миль. Он никогда не болел; и когда я уехал в Англию, продал его за ту же сумму, которую я заплатил за него. Сначала он был молодым серым ослом и очень пугливым, так как его еще не толком объездили. Малейший шум позади или рядом заставлял его выполнять внезапные гимнастические упражнения, в результате которых я с его спины перемещался на землю. Но потом все постепенно пошло на лад.

«Джек» стал чрезвычайно ручным и послушным; он всегда держался близко к лагерю и сразу же останавливался, если мы его звали. Ни один из моих бывших ослов не мог пройти и ярда, если перед ним не шел другой осел или человек, тянущий его за узду. Но «Джек» всегда с удовольствием путешествовал без осла-компаньона или погонщика. Только один раз он удалился из лагеря. Когда мы покинули Масинди и проходили через поселение суахили, «Джек» внезапно ощутил любовь с первого взгляда к туземной ослице и завоевал ответное чувство. Оба душераздирающе кричали, расставаясь друг с другом. Во время марша время от времени горе осла обнаруживалось в затаенном и скорбном крике. Прибыв в лагерь, он был предоставлен самому себе. Вскоре поднялось общее волнение. «Джек» исчез! Оказалось, что его любовь к «девушке, которую он оставил» преодолела двухлетнюю верность к хозяину, и он побежал назад. Мои «бои» вернулись в деревню и привели осла, в ближайшие два-три дня «Джек» шел в очень подавленном настроении.

ГЛАВА IV. ПРОТЕКТОРАТ УГАНДА

«Протекторат Уганда» не означает просто Уганду – королевство, которым знаменитый король-самодержец Метса управлял в то время – но он включает в себя также обширные территории вокруг нее, где ни один белый человек никогда не бывал, также озера, недавно обнаруженные выносливыми исследователями и путешественниками, и племена людей, отличающихся друг от друга языком, манерами и обычаями. Те, кто читают захватывающие записи исследований и открытий, связанных с такими именами, как Ливингстон, Спик, Грант и Мунго Парк, очень ошибаются, если они воображают, что подобные достижения уже недоступны, потому что все, что можно было обнаружить, уже обнаружено. В течение последних нескольких лет граф Телеки* добавил на карту два новых озера, лежащих близко друг к другу и названных им Лейк-Рудольф и озеро Стефани. Ребманн, подстрекаемый многими рассказами, считал мифом то, что в Африке есть огромная гора, вершина которой покрыта вечным снегом, однако, гора Килиманджаро была добавлена к новым географическим открытиям, хотя какое-то время этому в Европе не верили. Казалось невозможным увидеть «вечный снег» под палящими лучами африканского солнца.

** **Граф Самуэль Телеки** (1845 – 1916) венгерский исследователь, который возглавил экспедицию в Северную Кению. Он был первым европейцем, увидевшим озеро Рудольф (озеро Туркана), хотя о существовании этого озера было известно в Европе задолго до того, как туда прибыл Телеки.*

*** **Иоганн Ребманн** (1820 – 1876) – немецкий миссионер и исследователь, был первым европейцем, вместе со своим коллегой И. Л. Крапфом, начавший исследование Африки от побережья Индийского океана. Он был первым европейцем, увидевшим гору Килиманджаро со снежной вершиной. Новость об открытии Ребманна была опубликована в миссионерской газете в мае 1849 г., но была проигнорирована, как фантазия в течение ближайших двенадцати лет. Географическое Общество в Лондоне постановило, что снег никак не мог лежать в тропиках, и считало доклад результатом перенесения малярии миссионером. Только в 1861 году исследователи начали поиски Килиманджаро. Экспедиции в Танзанию между 1861 и 1865, под руководством немецкого барона Карла Клауса фон дер Декена, подтвердили отчет Ребманна.*

Килиманджаро находится сравнительно недалеко от побережья, и каждый путешественник в Уганду, который хочет увидеть это чудо, может наблюдать белую сверкающую вершину; ибо маршрут караванов проходит в пределах видимости величественного снежного короля. Сидя у костра, я слушал арабские и негритянские истории, звучащие для моего скептического уха еще более мифически, чем история Ребмана о снежной горе в его дни. Одна из историй утверждает, что, что далеко за пределами нынешних границ исследований белого человека есть земля, где много золота, и где туземцы не знают его ценности и используют металл, как самое дешевое украшение. Говорят, что арабские торговцы снова и снова пытаются проникнуть в эти чудесные страны, которые труднодоступны из-за невероятных трудностей с продовольствием. Предполагаемое нахождение этой золотой земли сохраняется арабами, как величайшая тайна. В моем последнем путешествии я встретил арабский караван, который шел по стране, якобы для торговли слоновой костью и, если удастся, для охоты на слонов. Мой арабский слуга был старым другом араба, командовавшего караваном; это привело к тому, что я долго общался с последним об этих золотых странах. Араб сказал мне, что, если его финансовое положение продержится на том же уровне, он

отправится в путешествие. Он собирался скупить провизию на рынке в Форт-Смите, и заявлял, что хорошо разбирается в предмете его мечтаний. Согласно его убеждению, «золотая страна» находится далеко за пределами озера Рудольф, которое другие путешественники посещали после открытия его графом Телеки. Араб, по-видимому, твердо верил в существование такого золотого рая.

Я вполне понимаю, что проблема со снабжением пищевыми продуктами – это почти непреодолимый барьер. В моем первом путешествии в Уганду была проблема с продуктами из-за маршрута караванов, пролегающего в течение около двадцати дней через необитаемую страну; но трудность сводится к минимуму, если знать точное количество дней, в течение которых требуется идти каравану через необитаемый район. Лучшее понимание рисков путешествий по району без пищи, не зная точно, как долго может продлиться путешествие, я испытал, когда я путешествовал по стране Магванвара (Южная Танганьика) в Германской Восточной Африке. «Короли» Магванвары преднамеренно окружили свою страну огромной зоной голода, беспощадно уничтожая деревни и целые племена вокруг них. «Голодный пояс» был для них большей защитой, чем Великая китайская стена для китайских императоров. В эту пустыню мой племянник и я решили проникнуть. Мы обеспечили себя как можно лучше для путешествия.

До того, как мы дошли до цели нашей экспедиции, мы были вынуждены жить на голодном пайке из горсти риса утром и вечером, а одна маленькая банка сардин в день делилась со скрупулезной справедливостью. Мы скоро знали наизусть, сколько сардин обычно содержит небольшая жестяная банка. На этом скудном пособии мы проходили двадцать, иногда тридцать миль в день. С того дня, как мы покинули озеро Ньясса до того дня, когда мы достигли Килву (*8° 56''S 39° 30''E на побережье океана, ныне Килва-Кивиндже*) прошло ровно два месяца. Иногда, но очень редко, мы могли добыть антилопу, как непредвиденную добавку к нашему столу.

Граф Телеки описывает в своей книге, как он должен был добывать охотой дичь для своего каравана; но несколько из его носильщиков умерли от голода, как мне сказали некоторые из моих людей, которые сопровождали Телеки. С тех пор я слышал, как другие путешественники, пересекая такие «голодные» районы, неожиданно оказывались среди странных народов, живущих в сравнительном изобилии, владеющих стадами и обладающих обильным запасом кукурузы.

Золотые месторождения, найденные в Южной Африке, позволяют предположить, что на востоке есть, но еще не обнаружены другие залежи этого металла.

Мы все знаем, насколько ценна слоновая кость; на самом деле, британское правительство, чтобы защитить слонов от истребления, уже определило большие площади, как заповедник для них. По последним охотничьим законам в Британской Восточной Африке охотник должен заплатить 25 фунтов за лицензию, и эта лицензия позволяет владельцу застрелить не более двух слонов. Тем не менее, граф Телеки рассказал мне о регионах, которые он посетил во время своих путешествий, где туземцы были не осведомлены о ценности слоновой кости и, следовательно, бивни лежали на земле, где слоны умирали. Телеки просто поднимал бивни. Это звучит почти басней, но я слышал из его собственных уст, что он вернулся на берег со слоновой костью, которая стоила около 2000 фунтов стерлингов. Он не был торговцем, а только исследователем, и никогда не ожидал получить денежные доходы от своего путешествия, тем более, такую сумму.

До сих пор ни золото, ни уголь, ни какие-либо другие минеральные ресурсы не были обнаружены ни в Уганде, ни в Восточноафриканском протекторате; рядом с побережьем было обнаружено некоторое количество серебра, но запасы не стоят того, чтобы их разрабатывать.

Протекторат Уганда находится на экваторе. По праву его следует называть Экваториальной Африкой, но это имя уже было присвоено Гордоном-пашей*, Эмин-пашей и Казати (см. примечания в граве III) другим территориям, расположенными далеко к северу от Уганды и Экватора. Взгляд на карту показывает, что Уганда ближе к центру Африки, чем территории, известные как протекторат Британской Центральной Африки, которые лежат вокруг реки Шир и озер Ньяссы и Танганьики.

** Генерал-майор **Чарльз Джордж Гордон** (1833 – 1885), также известный как Гордон-паша был администратором и офицером британской армии. Он принимал участие в Крымской войне и сделал военную карьеру в Китае, где был назначен командовать «всегда победоносной армией» китайцев во главе с европейскими офицерами. В начале 1860-х годов Гордон и его люди сыграли важную роль в подавлении восстания в Тайпинге, регулярно нанося поражение гораздо большим силам туземцев. За эти достижения ему дали прозвище «Китайский Гордон» и он получил награды как от императора Китая, так и от английского правительства. Он поступил на службу к хедиву Египта в 1873 году (с одобрения британского правительства), а затем стал генерал-губернатором Судана, где много сделал для подавления восстаний туземцев и местной работоторговли. В 1880 году, устав, он ушел в отставку и вернулся в Европу. Затем в Судане вспыхнуло серьезное восстание во главе с мусульманским религиозным лидером и самопровозглашенным махди – Мухаммадом Ахмадом. В начале 1884 года Гордон был отправлен в Хартум с инструкциями по обеспечению эвакуации лояльных британцам солдат и гражданских лиц. После эвакуации около 2500 британских подданных в нарушение данных ему инструкций он сохранил при себе небольшую группу солдат и гражданских лиц. В ходе нарастания напряженности оба лидера вели переговоры пытаясь убедить один другого присоединиться к себе, но безрезультатно. Осажденный силами махди, Гордон организовал оборону Хартума, продолжающуюся почти год, что вызвало восхищение британской общественности, но не правительства, которое не желало, чтобы он продолжал оборону. Только когда общественное давление на правительство стало неотразимым, правители с неохотой направили спасательный корпус, который прибыл через два дня после падения города, а Гордон был убит суданцами на пороге своей резиденции. – прим. переводчика*

Протекторат Уганда простирается вокруг озер Виктория Ньянза, Альберт Ньянза и Альберт Эдуард Ньянза; поэтому в нем находятся основные источники Белого Нила. Районы на которые был разделен Протекторат это – есть Эльдома Равайн, Кавирондо, Усога, собственно Уганда, Уньоро и Тору.

Дальнейшее разделение территорий можно ожидать при каждом увеличении числа правительственных чиновников.

Неверно говорить, что климат Уганды – это своего рода непрерывное английское лето, потому что существует значительная разница между холодом в Мау и жарой в Уньоро. Есть области, где белая одежда наиболее удобна для ношения круглый год, а есть другие области, где белую одежду никогда не стоит носить. Жара никогда не бывает чрезмерной, равно как и холод. В целом климат подходит для европейцев.

Местная рабочая сила дешевая – около трех пенсов в день, но трудно заставить туземца работать по найму. Основным экспортом является слоновая кость, за которую взимается пошлина в размере 15 процентов, будь то слоновая кость или клыки гиппопотама. Налог на импорт в размере 5 процентов взимается с любой статьи импорта. Запрещается торговля порохом и оружием, за исключением случаев, предусмотренных Брюссельским актом международного права, а также продажа аборигенам алкогольных напитков. Существуют небольшие налоги под разными названиями, например, налог на дорогу в половину рупии

на каждый груз, а также ежегодный обязательный регистрационный сбор в размере двух рупий с половиной с каждого британского подданного.

В настоящее время расходы, не считая миллионы, потраченные на железную дорогу Уганды, значительно превышают доходы. Если бы Англия ушла из Уганды, какая-то другая европейская держава сразу же овладевала бы ей, несмотря на то, что нет никакой немедленной выгоды и компенсации за тяжелые расходы, связанные с оккупацией. Отсюда следует, что империя, подобная Великобритании, в энергичном росте и расширении должна была захватить Уганду.

Возможно, европейские поселенцы могут быть приглашены к нам, путем либеральных уступок со значительными грантами земли, с минимальными ограничениями, чтобы заработать средства к существованию, как торговцы или плантаторы, фермеры или биржевые торговцы, ремесленники или предприниматели. Кофе, хлопок, сахарный тростник и рис можно выращивать в некоторых районах, а европейские зерновые – в других.

ГЛАВА V. ПРОВИНЦИЯ РАВАЙН

Район Равайн включает территорию между Кикуйю и Кавирондо (*в современном понимании от Найроби до северо-восточного побережья озера Виктория*). Примерно на половине пути между ними лежит Эльдама Равайн ($0^{\circ} 30' N 35^{\circ} 43' E$), где была построена станция Равайн, которая теперь является штаб-квартирой района. Между Кикую и Эльфийским ущельем встречаются только блуждающие кочевые племена. Я проезжал по этой дороге не один раз, не встретив ни одного человека, а в последний раз я обнаружил здесь множество туземцев временно поселившихся, построивших краали и пасущих огромные стада. До того, как покойный капитан Склатер проложил здесь проселочную дорогу, перевозка грузов из Форт-Смита в ущелье была непростым делом. Настойчивый чиновник из Кикуйю, организовал регулярную службу перевозки с помощью людей вакикуйю, все больше и больше из которых предлагали себя носильщиками, пока, наконец, караваны в несколько сотен людей не стали постоянно двигаться по дороге.

До установления протектората вакикуйю были враждебным и коварным племенем. Постепенно они подчинились неизбежному и признали верховенство британского правления. Вакамба, сражающиеся с луками и стрелами, живут на одной стороне от них, а с другой – масаи, которые используют копья и мечи. Вакикуйю приняли оба метода вооруженной борьбы. Группа, которая посетила мой лагерь в моем последнем путешествии, дает этому хорошую иллюстрацию. Наконечники копий вакикуйю широкие и листовидные. Меч – типичный для масаев, тяжелее к остроконечному концу, чем у рукоятки. Стрелы переносятся в кожаном колчане, который украшается пучком страусиных перьев и закреплен на спине. Один из мужчин носил короткий фартук, но большинство приняло масаиский стиль обертывания куска хлопчатобумажной ткани вокруг тела, перекидывая его через одно плечо и позволяя ему свисать до бедер. Вакикуйю очень любят украшения в виде бисера, железной и латунной проволоки, серег, ожерелий, ручных и ножных браслетов. Их хижины спрятаны в лесу в целях защиты от врагов; и по той же причине они не держат птицу, так как опасаются, что крики петухов могут выдать местонахождение их жилищ.

Люди народа вакикуйю

Они всегда расчищают лес, чтобы засадить поляны различными видами местной кукурузы, сладким картофелем и ямсом; но такое постоянное и безжалостное уничтожение лесов должно однажды обернуться наказанием.

В моем последнем путешествии я отправился на побережье с компаньоном, который провел один год в этой местности; он сообщил, что тоже заметил большое разрушение лесов даже за этот короткий промежуток времени. Недавно были приняты лесные законы. Они тяжело нависли над белым человеком, который должен посадить десять молодых деревьев за каждое срубленное дерево, но эти законы не действуют против массовой и бессмысленной рубки леса, которую практикуют туземцы. Хорошо организованный Департамент лесного хозяйства, охватывающий все протектораты, несомненно, добавит еще одну статью к расходам, но, несомненно, принесет неисчислимые выгоды в будущем.

Женщины вакикуйю несут свою ношу, надевая прикрепленный к ней кожаный ремешок на голову. Они также помогают носильщикам и носят европейские грузы и коробки весом 40 фунтов и больше. Они одеваются, как масайки, и чрезмерно нагружают себя украшениями; увидеть от двадцати до тридцати огромных колец из бусин, продетых через одно ухо – совсем не необычное зрелище. Они всегда замкнуты и неразговорчивы, потому и кажутся скромными и послушными.

Воин вакикую

Во второй половине 1895 года из Равайна в Форт-Смит возвращался большой караван из людей вакикую и суахили; он достиг долины Кедонга и наткнулся на деревню масаев. Как возникло последующее кровопролитие, точно не известно, так как только несколькими оставшимися в живых, удалось убежать. Согласно одной истории, суахили вели себя агрессивно по отношению к масаям, рассчитывая на свое численное превосходство. Масаи этим

возмутились, и через мгновение началась жестокая бойня. Более 400 несчастных вакикуйю и суахили были убиты; невинные и виновные без разбора. Известие о катастрофе дошло до Форт-Смита, и за ним последовала еще одна трагедия.

Офицерам форта было известно, что торговец по фамилии Дик, в настоящее время был на пути сюда. Здесь же находилась французская научная экспедиция, прибывшая в Форт-Смит по пути в Уганду, двое военных из числа участников экспедиции вызвались предупредить Дика об опасности. Они нашли его; но вместо того, чтобы убедить его вернуться с ними в безопасный форт, они поддались его уговорам сопровождать его через Кэдонг. Каковы были мотивы, побудившие трейдера рисковать, никто никогда не узнает. По мнению некоторых, он хотел отомстить масаям за разгромленный караван; по мнению других, он считал бойню хорошим предлогом для захвата их ценных стад. Ему удалось захватить много скота; несколько сотен голов были приведены французами в Форт.

Танцующие женщины вакикуйю

Несколько недель спустя я встретил этих джентльменов в Уганде и, так как я лично знал Дика, узнал у них некоторые подробности битвы. Они сказали мне, что Дик сражался бесстрашно и, будучи превосходным стрелком, укладывал одного масая за другим. Он пошел поднять щит и копье масая, которого только что убил, когда противник предпринял отчаянную контратаку, и в критический момент пуля в винтовке Дика заклинила ствол. Он повернулся к своим людям, чтобы взять другую винтовку, когда один масай бросился вперед и пронзил его копьем в спину, убив на месте. Французы убили нападавшего, но, сражаясь с подавляющим большинством туземцев, были вынуждены отступить в Форт. Через пару дней они вернулись на место боя, чтобы похоронить Дика. Французы обнаружили, что тело обнажено, и похоронили его на откосе Кедонга. Они установили простой деревянный крест над могилой, который все еще стоял во время моего последнего путешествия. В надписи просто говорилось, что крест был установлен его товарищами по оружию в память об убитом масаем. После этого один из этих двух французов направился в Конго, по пути заболел лихорадкой, но сумел вернуться в Париж, где и умер.

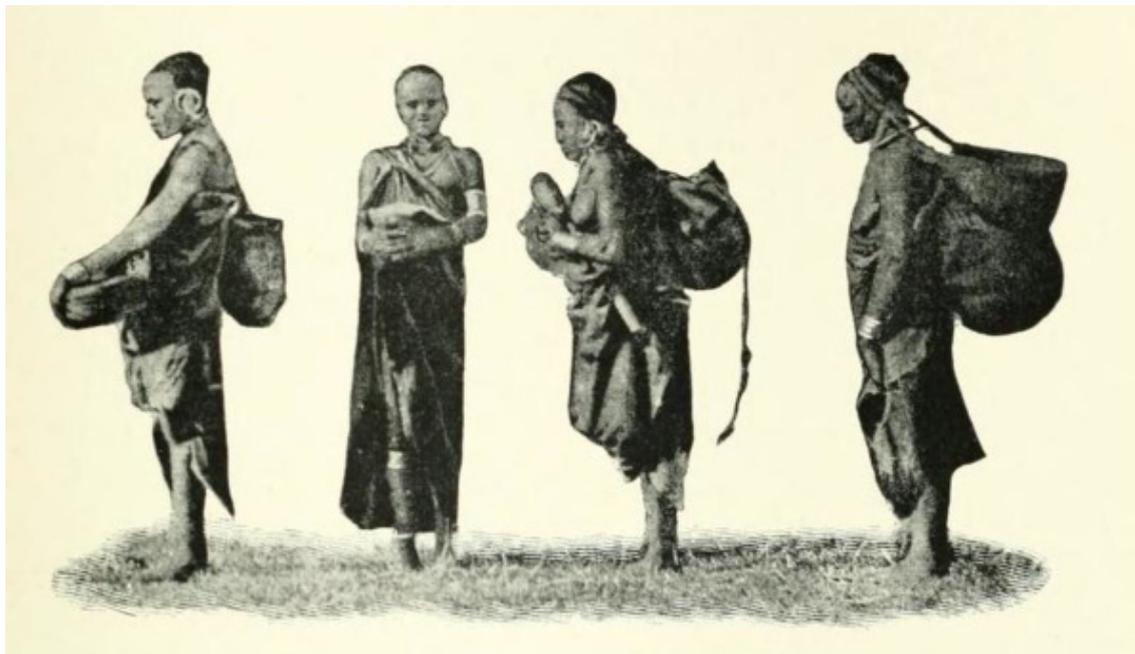
Бедный Дик! Мне жаль его. Он был самым энергичным и решительным человеком, так что суахили окрестили его «Симба улейей», что означает «европеец-лев». Он был слишком независимым человеком, чтобы ладить со всеми. Я смог оказать ему небольшую услугу, когда у него была лихорадка; и когда я отказался принять оплату, он отправил все две сотни своих людей на пару дней на работу в то место, которое я тогда очистил для возведения некоторых правительственных зданий. Я не думал, когда он прощался со мной в Кавирондо, что он собирался присоединиться к числу тех, кто нашел свою могилу в Африке.

В течение нескольких месяцев долина Кедонг сохраняла свидетельства об ужасной резне. Когда я прошел этот путь через несколько месяцев, на обочине дороги лежали пропи-

танные кровью обрывки одежды и скелеты. Они принадлежали смертельно раненым мужчинам, которые пытались убежать, но пали от ран. Дойдя до места побоища я увидел уже не единичные скелеты, как на обочине дороги, здесь они лежали в некоторых местах дюжинами.

Женщина вакикуйю с ребенком

Женщины вакикуйю

Воины вакикуйю

В Кампи Мбарук я встретил одно из временных поселений кочевых масаев. Хижины, увиденные издали, напоминают хлеб из хлебопекарни. Они оштукатурены коровьим навозом, почти касаются друг друга и расположены в круглых краалах со свободным внутренним пространством для молодых телят. Огромные стада, которыми владеют эти скромные кочевники, – это впечатляющее зрелище! Равнина была усеяна черными пятнами, показывающими плотно сгрудившиеся стада тысяч голов крупного рогатого скота, овец и коз, а также сотни и сотни ослов. Когда племя меняет свое жилье, ослы несут предметы домашнего обихода, особенно тяжелые предметы, такие как длинные столбы и шкуры. Женщины несут более хрупкие вещи, такие как глиняные кулинарные горшки. Один из мужчин, которого я видел, был, очевидно, старейшиной и человеком богатым и властным; он был завернут в толстую шубу из обезьяньих шкур. Его жены были обвешаны украшениями из латуни, бус и железной проволоки. Женщины-масайки уродуют себя, вставляя тяжелые цепи из железной проволоки из верхнюю часть уха, чтобы она нависла над нижней. Таким образом они меняют себя в худшую сторону, делая свои приятные овальные лица непривлекательными.

Масаи имеют ужасную привычку пить теплую кровь, которая течет из только-что убитого животного, а также они питаются застывшими комками крови. Если мне приходилось убивать овец или коз для приготовления пищи для каравана, а масаи находились рядом, мальчишки и девочки приходили с чашами, чтобы наполнить их кровью и отнести к краалу; их окровавленные рты и руки были отвратительным зрелищем.

Масаи у своего крааля

Хижины масаев

Хорошо известно использование масаями тыкв всех мыслимых форм в соответствии с потребностями или фантазией пользователя; и, как и следовало ожидать, тыквы, которые наиболее популярны у масаев, напоминают бутылки с длинным горлом. Некоторые из них имеют любопытную форму, напоминающую бутылки с шампанским. Тыквы часто украшены рядами ракушек-каури или бусин; на других нанесен орнамент.

Масайки – опытные доярки, они при дойке никогда не используют обе руки; они обычно держат бутылку из тыквы, которая очень легкая, в левой руке и доят правой.

Ветеринарная хирургия, ими практикуемая, заключается в кровотечении. Однажды я был свидетелем операции, когда туземец, опасаясь, что его ослик заболел, вызвал ветеринара-масая, который был снабжен игрушечным луком и выглядевшей, как игрушка, но очень острой стрелой. Этот масай с расстояния около восьми или десяти дюймов стрелял в шею животного, и поток темной венозной крови сразу же потек. Он позволил выйти от трех до четырех унций крови, а затем, извлек стрелу, кровотечение прекратилось почти сразу. На время операция, безусловно, облегчила осла; Я не могу сказать, получил ли он какое-либо долгосрочное облегчение, поскольку я должен был продолжить свой марш на следующий день.

Вдоль линии озер Наиваша, Эльментейта и Накуру, коровы, которые сопровождают караван, производят в определенные сезоны года молоко с самым своеобразным запахом и вкусом – на самом деле, «рыбный запах» – самое близкое сходство. Негры не возражают против этого неприятного вкуса; но я еще не встречал европейца, которому это нравится. Мне сказали, что это связано с каким-то растением, которое коровы едят без какого-либо вредного воздействия на их здоровье, хотя оно придает этот очень своеобразный гнусный аромат их молоку.

Первой правительственной станцией, на которую путешественник прибывает в протекторате Уганда, является станция Найваша. Она построена на плато с видом на озеро. Местность изобилует плоскими плитами из камня; это сделало сравнительно легким создание каменной стены вокруг форта. Ров вокруг стен и подъемный мост обеспечивают дополнительную безопасность. Использовалась также хорошая строительная древесина, хотя она и была доставлена издалека.

Большинство путешественников, которые жили в стране в течение нескольких лет заявляют, что озеро Найваша растет; Я придерживаюсь того же мнения. У видел, что здесь находится роща терновых кустов, которые сейчас стоят в воде, в том месте, где наш караван располагался четыре года назад. У озера Найваша нет видимого выхода, и все же некоторые довольно крупные реки, такие как Морендат и Гилгил, впадают в него.

Озеро Найваша 0°46'S 36°21'E

Озеро Найваша

Стоит увидеть водоплавающих птиц, которые часто посещают озеро. В моем первом путешествии, хотя мы приехали сюда вечером и уехали на следующее утро, у меня было время, чтобы добыть несколько экземпляров. Самым тонким деликатесом для стола были чирок и бекас. Фламинго, ибис и огромное количество других водных птиц густо покрывают берега. В одном путешествии я видел диких гусей, которые питались на прилегающих травянистых равнинах тысячами.

На юго-восточном конце озера Найваша находится потухший вулкан Лонгонот с огромным кратером на вершине.

Озеро Эльментейта и озеро Накуру оба солоноватые; и хотя на них обитает много водоплавающих птиц, их число незначительно по сравнению с тем, что я видел на озере Найваша. На озере Накуру я застрелил цесарку и ибиса.

Озеро Накуру является домом для фламинго; они, кажется, всегда присутствуют здесь в большом количестве. Я был очень удивлен, когда сравнивал некоторых, которых подстрелил здесь в своем последнем путешествии и привез домой, с другими, которых добыл в предыдущем путешествии. Птицы принадлежали двум совершенно разным видам. Один вид – маленькая редкая птица с совершенно другой формой клюва по сравнению с той птицей, которая считается обычным фламинго.

Хотя вода озера Накуру солоноватая, в него поступает вода из мелких ручьев. В нескольких ярдах от озера из-под земли на поверхность вырывается ряд пресноводных источников. Есть много бегемотов, но в них трудно стрелять. Они очень пугливы и, вероятно, были приучены проходящими караванами держаться подальше от людей.

Озеро Накуру

Фламинго на озере Накуру

Двухдневный марш отделяет озеро Накуру от станции Равайн. Примерно в двенадцати милях от станции маршрут пересекает экватор. Хотя станция Равайн находится практически на экваторе, она является самой прохладной станцией во всем протекторате Уганда.

Я встретил мужчин вандеробо возле Найваши, первая женщина андеробо (единственное число от «вандеробо»), которую я увидел у Равайна, была одета в обезьяньи шкуры. Вандеробо – племя охотников на слонов. Те, кого я видел, напоминали масаев по одежде и украшениям. В горном массиве Эльдома обитает народ под названием камасия.

Пеликаны и носорог на озере Накуру

Там, где раньше проходили караваны, у ущелья Равайна крутые склоны, а в глубине внизу есть горный ручей. Раньше караваны теряли день на пересечение Равайна. По нынешнему караванному маршруту, в нескольких сотнях метров выше реки, караваны могут пройти без каких-либо трудностей.

Из Равайна путешественник переходит далее к холодному и ветренному хребту Мау, на высоте 9000 футов (2700 м) над уровнем моря. Иногда здесь очень холодно. Я видел иней на земле и тонкий лед на краю мелких источников. В моем четвертом путешествии было так холодно ночью, что мой «бой» ранним утром, к его изумлению, обнаружил, воду в ведерке в виде куска льда. Он видел мокрый снег, но никогда ничего подобного.

Именно на Мау я поймал новый вид бабочки – «зеленый ласточкин хвост». У Равайна оранжево-желтый «ласточкин хвост капитана Прингла» довольно распространен в марте, а другие виды, одинаково ценные, в определенные сезоны встречаются здесь дюжинами.

Караванная дорога через Мау была недавно завалена мертвыми и умирающими быками, принадлежащими правительственному гужевому транспорту, который, следовательно, перестал существовать. Правительственный ветеринарный хирург, которого я встретил в Мачакосе, сказал, что не может быть никаких сомнений, что это была чума крупного рогатого скота.

Покидая мрачный Мау, путешественник спускается в страну Нанди, только недавно открытую для движения за последние три года. Раньше туземцы здесь были жестокими и вероломными. Подтверждением этому была трагедия, которая постигла г-на Уэста, английского торговца, от рук вананди.

В последний раз я видел живого мистера Уэста у Мумии. Затем он отправился в страну Нанди, чтобы купить слоновую кость в обмен на коров. Я спросил его, не боится ли он рисковать с таким небольшим количеством людей, всего двадцать носильщиков, путешествовать на территории племени, которое еще не подверглось усмирению и считалось враждебным. Он ответил, что может быть это опасно для любого другого белого человека, но не для него, поскольку он уже однажды посетил эту страну, и хотя он был только в приграничной

деревне, он завел дружбу с ее вождем. Носильщики, которых он выбрал, были из лучших, с которыми я совсем недавно прибыл с побережья. Я не знал, когда мы пожали друг другу руки и попрощались, что это было последней нашей встречей.

Он очень гордился своим маленьким садом в Мумии. Он не раз щедро одаривал меня зелеными овощами, и последние его слова для меня заключались в том, что он оставил инструкции своим садовником, снабжать меня из своего сада, пока он не вернется. Он сказал, что надеется вернуться через две недели.

Следующая новость, которую мы услышали, была принесена несколькими оставшимися в живых из его каравана, покрытыми ужасными ранами, которые мне пришлось лечить. Согласно их рассказу, Уэст получил явно дружеское устное послание от его друга-вождя. Затем он отправил несколько своих людей в близлежащие деревни, чтобы скупить слоновьи бивни, которые, как говорили, там продавались. Уэст чувствовал себя так уверенно, что он оставил все свои винтовки внутри своей палатки. Без какой-либо провокации с его стороны и просто с целью грабежа, вероломные туземцы ночью напали на караван и убили всех, включая бедного Уэста. Они просто проткнули копьями палатку и пронзили его и лежащую рядом негритянку, которая была его верной подругой и помощницей. Дикари унесли все, оставив только обнаженные тела убитых на съедение гиенам.

Любопытное продолжение этой истории я услышал много месяцев спустя. Это во время моего возвращения на побережье. Один из чиновников, с которым я познакомился, попросил меня взять с собой на берег человека, который сообщил, что он принадлежал каравану покойного Уэста и который заверял, что ему только сейчас удалось бежать из плена вананди.

Когда я увидел этого человека, я сразу же узнал его. Это был «Бом-бом», один из моих носильщиков-ваньямбези, которые сопровождали злополучный караван Уэста. Мужчина, конечно, тоже меня узнал и был рад снова меня видеть. Сейчас он пришел ко мне в лохмотьях, и я, помня старые добрые времена, одел его в новую хлопчатобумажную ткань.

Он поведал мне некоторые интересные события. Уэст послал его и двух других негров в какую-то деревню, чтобы купить слоновьи бивни. Прибыв в деревню, один из троих остался в хижине, выделенной им туземцами-вананди, а двум другим сказали сопровождать двух стариков к реке. Там два туземца искали ничтожную сухую веточку, раскачиваемую течением. Эта веточка была указателем места, где прятали слоновью кость. Потянув за нее, старики вытащили из реки два великолепных бивня, каждый из которых был около пяти футов длиной. «Бом-бома» и его спутника попросили нести клыки в деревню. Они были обременены тяжелой слоновьей костью, когда внезапно их окружили молодые воины вананди в полной боевой раскраске из красной глины, которые сразу отобрали их ружья, а затем угрожали им смертью. «Бом-бом» говорил мне, что если бы не двое стариков, ходатайствовавших за них у молодых воинов, он и его суахилийский спутник были бы убиты на месте. Но один из стариков объявил «Бом-бома» своим рабом, а суахили взял в качестве раба другой старик.

Затем они вернулись в деревню. Здесь пленники увидели лужу крови – это третий человек, которого они оставили в деревне, был убит во время их отсутствия. «Бом-бом» полагал, что у него есть шанс убежать, когда никто не наблюдал за ним, но молодые воины были начеку, и «Бом-бом» вернулся в хижину старика, где убийцы с трудом сдерживались от желания его убить.

«Бом-бом» и суахили теперь смирились со своим рабством. Они жили отдельно, каждый у своего хозяина. Старик, который владел суахили, решил в один прекрасный день продать его, и для этого привел его в другое село; но ему была предложена такая ничтожная сумма, что продажа не состоялась. Суахили был очень веселым человеком, который с величайшим равнодушием воспринял свое рабство. Дочь старика была вдовой с детьми, а раб-

суахили произвел на нее такое впечатление, что она вышла за него замуж. Теперь его больше не считали рабом, а почитали, как зятя.

«Бом-бому» не так повезло, как его спутнику. Он был другим по характеру и не смирился с рабством. Ему также не нравилось, когда его отправляли для работ в поле в компании с женщинами. Ни одна местная леди не влюбилась в него и не пожелала его в качестве мужа. В отчаянии он решил бежать, и его хозяин явно помог ему; но «Бом-бом» не знал дороги и чуть не умер от голода, и, пробродив несколько дней, после чего он был вынужден вернуться в деревню. Здесь он был сразу связан по рукам и ногам, и подготовлен к казни. Его суахилийский друг прибыл на место происшествия и сказал вананди, что он знает действительное волшебство, чтобы в дальнейшем предотвратить побег захваченного раба. Он заявлял, что готов разгласить секрет при торжественном обещании, что жизнь «Бом-бома» будет ему дарована, чтобы проверить эффективность волшебства. Туземцы очень суеверны и любопытны, слушая любую чушь о чем-то сверхъестественном. Поэтому обещание было легко дано. «Бом-бом» был оставлен в живых, и пригоршня воды была вылита на его ноги суахили, который объявили это волшебством. Конечно, это был всего лишь трюк.

Сам суахили тайно жаждал свободы, а его жена решила помочь ему и сопроводить, оставив своих детей на попечении старого деда. Благодаря ее знанию страны, эта преданная женщина благополучно вывела суахили в безопасное место. Оба жили некоторое время в деревне на территории Кавирондо, а затем жена решила вернуться в деревню своего отца, чтобы привезти своих детей в новый дом и, вероятно, привезла в него и своего старого отца. При этом, соплеменники не причинили ей никакого вреда.

«Бом-бом», обнаружив, что суахили сумел бежать, решил сделать еще одну попытку. Он в этом преуспел и пришел, чтобы сопровождать меня до побережья.

Впоследствии страна Нанди была приведена к покорности успешной кампанией под командованием майора Каннингема, в ходе которой несколько упорных боев были выиграны дисциплиной и храбростью его суданских солдат. В одном из этих сражений 200 вананди были убиты. Туземцы запросили мира. Была построена станция Нанди, и караванный маршрут был проложен через их страну.

Нанди – восхитительная страна с густыми лесистыми холмами и с открытыми долинами, подходящими для пастбищ и обработки почвы. Здесь не так прохладно по ночам, хотя страна находится довольно высоко над уровнем моря.

Воины вананди носят луки и стрелы, а также копья с широким лезвием и масайские мечи. Они обычно предлагали нам для продажи горшки с медом или шкуры черно-белой обезьяны-колобуса. Чудовищно большой кусок дерева, который они носят в виде кольца, продетого через нижнюю часть уха, показывает, что тирания моды существует и среди дикарей.

Мужчины народа ваквави

Женщины вананди напоминают масаек в одежде, но они носят другие серьги. Каждое ушное кольцо представляет собой плоскую спираль, размером с ладонь и состоящую из сплошной латунной проволоки. Оно подвешено к уху кожаной петлей. Две тяжелые серьги обычно свисают до груди и крепятся вместе соединительной полоской из кожи. Нижняя мочка уха оттягивается весом латуни, и со временем она почти касается плеча.

От Кавирондо до станции Нанди меня сопровождал ваквави, который поставлен следить за стадом правительственного скота. Эти ваквави относятся к ветви народа масаи и напоминают их и в одежде, и в оружии и в украшениях. Они живут разбросанными группами среди вакавирондо. Во время сильных ливневых дождей эти люди пришли и присели под моим тентом. Мои ребята хотели прогнать их, но я не мог найти в моем сердце столько жестокости, чтобы отказать им в приюте, пока шел дождь. Однако я был рад избавиться от них, как только дождь прекратился; природный смрад их собственной кожи, смешанный с запахом прогорклой смазки и немытой одежды, объединились в такой букет, который не выносим для европейских ноздрей.

ГЛАВА VI. КАВИРОНДО

Естественно, что одежду Адама и Евы можно увидеть среди дикарей низкого типа, живущих в тропическом климате, но обнаружить себя среди абсолютно голого племени – это очень странное ощущение; и все же, в течение нескольких недель или месяцев ощущение неловкости стирается, и никто не замечает ничего экстраординарного в таком образе жизни. Жители Кавирондо напоминают первых людей в эдемском саду до грехопадения. Банановые деревья и другая тропическая растительность вокруг хижин, по крайней мере в некоторых частях их страны, укрепили бы это впечатление, если бы не безлесные равнины за пределами деревни. Молодые и старые ходят в той же первозданной одежде. Женщины часто носят любопытный орнамент в форме хвоста, который состоит из ряда плетеных нитей, изготовленных из какого-то растительного волокна. Только немногие женщины носят крошечный фартук из того же материала. Его никогда не носят незамужние, мне сказали, что присутствие фартука было эквивалентом европейского обручального кольца; но я уверен, что это неверно, поскольку я встречал множество молодых матерей и жен без этого фартука и видел вдов с ним и без него. Я считаю, что это просто мода, как и украшение в форме хвоста без каких-либо других одежд.

Этот народ хорошо сложен и здоров. Они – полеводы; где бы они ни обосновались, джунгли вокруг них вскоре превращаются в плодородные поля, давая сладкий картофель или различные формы кукурузы. Те, кто может себе это позволить, держат коз и овец, а у богатых есть стада крупного рогатого скота. Мне говорили, что один из вождей владел несколькими тысячами коров. Туземное оружие – это копье, короткое железное лезвие на длинном деревянном древке, обычно с железным наконечником на другом конце, чтобы втыкать в землю, когда владелец находится в состоянии покоя. Щиты очень любопытны. Листовидный плетеный щит, очевидно, старомодный. Более распространенной формой является овальный кожаный щит из бычьей шкуры.

Воины племени кавирондо

Женщины кавирондо, продающие хлопок

Вождь одного из племен кавирондо с семьей

Танцующие кавирондо

Туземцы Кавирондо

Женщины носят всего несколько нитей бисера, но мужчины необычайно любят украшения, особенно молодые воины-денди. Железная проволока, скрученная в спиральную катушку вокруг шеи, как своего рода воротник, или вокруг ноги, как браслет, являются вершиной моды. Те, кому посчастливилось заполучить кусочек слоновой кости, носят его, как украшение в форме полумесяца, прикрепленное ко лбу, или в виде браслета. В последние несколько лет в моду вошли раковины каури, их носят, обвязанными вокруг груди или свисающими с плеч.

Семейная группа кавирондо

Розовые бусины являются общепринятой валютой, но даже они зависят от моды. Маленькие розовые бусины мы использовали в моем первом путешествии, чтобы купить еду для каравана. В наши дни от этих бусин повсюду отказываются. Бусины, которые сейчас в моде, примерно в четыре раза больше по размеру.

Хижина кавирондо состоит из круглой плетеной стены, обмазанной глиной, с конической крышей из травы; узкая внешняя веранда окружает жилище. Вход очень низкий и ночью закрывается тростниковым экраном, перемещаемым между вертикальными стойками и надежно закрепленным горизонтальной планкой. Внутри хижина очень темная, она не только укрывает всю семью, но и домашнюю птицу, коз и овец, а иногда и корову. Нет никакой вентиляции. Можно представить себе ужасное антисанитарное состояние этого

жилища, тем не менее, практически все туземцы здоровы, а страдают только от таких болезней, которые были импортированы проезжающими караванами.

Из-за ежегодных пожаров, устраиваемых туземцами для расчистки полей, потребность в древесине для путешественником становится все более ощутимой. Туземцы могут готовить еду, используя сушеные стебли кукурузы или слоновой травы, но дрова для лагеря должны доставляться издалека, и путешественник должен платить за них соответственно.

Негры-кавиронго удивительно скупые и негостеприимные, и в этом отношении отличаются от других туземцев в худшую сторону. Несмотря на то, что их деревенские продовольственные склады могут содержать больше, чем требуется населению, а их поля могут быть покрыты пышными культурами, они откажут в продовольствии голодающему каравану и жестоко накажут и, вероятно, убьют любого, кто отважится украсть немного от их огромного богатства с полей. Они не только настаивают на оплате всего, но и откажутся продавать что-либо, за исключением того, что в данный момент находится в моде. Несколько месяцев я находился на первой правительственной станции в Кавирондо в Мумии, и у меня была возможность видеть потрясающую жадность туземцев. Случилось так, что единственный бусины и бисер, которым обладали британские власти, были белые, красные или синие; розовые закончились. Гарнизон из суданских солдат и носильщики-суахили получили оплату своей службы продовольствием и этими бусинками; и все же сельские жители не только отказались принять государственную валюту, но и пытались непомерно взвинтить цены на продукты для солдат и носильщиков. Несколько раз на станции появлялись аборигены и жаловались, что суданские солдаты отнимали у них корзины с картофелем или мукой и насильно пихали им по несколько белых бусинок в то время, как владельцы корзин отказывались принимать любые бусины, кроме розовых. Поскольку кавирондо не были завоеваны, а мирно перешли под протекторат Великобритании, они, следовательно, смотрят на правительственные станции, как на терпимое зло, а не как на опорные пункты новых и могущественных хозяев своей страны. Следовательно, иногда могут возникать напряженные отношения. В большинстве случаев разумное обращение с туземными вождями помогает поддерживать, если не дружеские, то достаточно приемлемые отношения.

В настоящее время вожди, как правило, относительно дружелюбны, принимают путешественника и приносят ему подарок. Вождь одного из племен кавирондо, по имени Нгира, подарил мне черных откормленных овец, когда я проходил через его страну в своем последнем путешествии. Ни он, ни его главные слуги не были голыми из-за влияния европейцев, часто проходящих с караванами одетых носильщиков. Фактически, я заметил по всему маршруту караванов, особенно среди мужского населения, что многие начинали носить хоть какие-то покрытия, по-видимому, в знак уважения к одетым незнакомцам, которые их посещают. Эти покрытия состоят из куска козьей шкуры или хлопчатобумажной ткани. Раньше каждый встреченный человек нес копье, но мирное британское правление возимело видимый эффект, побуждающий жителей посещать рынки без копья. Очень часто они вооружены просто дубинкой, которая служит также тростью.

Вождь Нгира

Туземный серп совершенно отличный по форме от серпа в Уганде. Он используется для расчистки джунглей, срезания сорняков и кустарников при предварительной очистке поля; после этого женщины разрыхляют почву с помощью мотыг в виде остrokонечного сердца. Я видел мужчин, работающих на полях так же старательно, как и женщины. Маленькие мальчики обычно пасут коз. Маленькие девочки уже с самых ранних лет помогают своим матерям, приносят воду, поддерживают огонь, готовят еду, размалывают кукурузу и помогают в полях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.